

ДЖОАННА
ЛИНДСЕЙ

*Буря
страсти*

Все будет хорошо... нет,

не просто хорошо – замечательно.

И это продлится вечно.

Королева любовного романа

Джоанна Линдсей

Буря страсти

«Издательство АСТ»

1985

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Линдсей Д.

Буря страсти / Д. Линдсей — «Издательство АСТ»,
1985 — (Королева любовного романа)

ISBN 978-5-17-122784-5

Красавица Шерис Хэммонд не пожелала вступить в брак по расчету с человеком, которого любила ее сестра, и предпочла отправиться на Дикий Запад навстречу бесчисленным опасностям. Однако именно в открытых всем ветрам прериях, где правил закон револьвера, девушка повстречала того, кому смогла подарить свое сердце, — бесстрашного, мужественного Слэйда Холта, мужчину, ворвавшегося в жизнь Шерис подобно буре страсти...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-122784-5

© Линдсей Д., 1985

© Издательство АСТ, 1985

Содержание

Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	19
Глава 3	22
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Джоанна Линдсей

Буря страсти

Пролог

1874 год. Резервация Сан-Карлос, Аризона

Высоко в горах на большом валуне лежал огромный зверь. Весом пума тянула фунтов на двести и была около восьми футов в длину. Ее острый взгляд был устремлен вниз. На широком выступе скалы среди густых сосен били копытами несколько диких жеребцов. Они ощущали присутствие зверя, хотя в воздухе не чувствовалось даже легкого дуновения ветерка, который мог бы принести его запах.

Внезапно пума насторожилась. Двое мужчин поднимались по склону, ведя за собой лошадей. Мужчины были очень молоды и чрезвычайно похожи: у обоих темно-бронзовая кожа и длинные черные волосы до плеч, на ногах мокасины до колен и широкие белые повязки на бедрах. У того, что повыше, виднелась под коротким черным жилетом обнаженная грудь, другой был в белой полотняной рубашке, с патронташем на свободном поясе. Один из них был наполовину апачи, в высоком индейской крови не было вовсе.

Когда новых лошадей присоединили к табуну, пума встала, соскочила с валуна и осторожно направилась к людям.

Мужчины замерли, глядя на огромную кошку. Как они не заметили ее?

Высокий протянул руку, и пума с громким мурлыканьем приблизилась. Она потерлась головой о протянутую руку. Затем вытянулась всем своим рыжевато-коричневым телом и улеглась на мягкую землю в двух футах от них.

Билли Вулф едва слышно выдохнул, стараясь, чтобы спутник не заметил его испуга. У него чуть было не задрожали руки, что могло поставить под сомнение его доблесть.

– Черт ее возьми, – сказал Билли на языке, которому так хорошо научил его друг, но высокий не обратил внимания на его слова, и он повторил: – Черт ее возьми! Слышишь, что она деет с кобылами, Слэйд?

Высокий повернул голову и одарил Билли одной из своих редких улыбок:

– Делает, Билли. «Ла». Вставь это «ла» на место.

– Черт, какая разница! – Но дело сделано, и Билли уже не забудет. – Ты хоть немного испугался, пока не узнал ее?

– Немного, – сказал Слэйд Холт и отправился успокаивать лошадей.

Билли последовал за ним.

– Ты только посмотри, как она развалилась, будто уверена, что ей здесь рады. Словно и не покидала тебя...

– Конечно, она уверена, что ей рады, – решительно заявил Слэйд.

Билли снова взглянул на пуму и покачал головой.

– Ты не видел ее восемь месяцев и еще год до этого. Неужели она помнит тебя? А как ты ее узнал? Ведь она выглядит как любой другой горный зверь.

– Не узнал, – усмехнувшись, признался Слэйд. – Просто каким-то образом почувствовал, что она не опасна, – так же, как ты во время нашей первой встречи понял это про меня.

Билли обдумал услышанное и признал мысль разумной. Потом в свойственной ему манере резко переменял тему:

– Ты действительно завтра уезжаешь, Слэйд? – Его спутник кивнул, не проронив ни слова, и уселся рядом с гигантской кошкой. Билли нахмурился.

– Но ты уверен, что готов?

Слэйд взглянул на расщелину, разрезавшую склон горы. Там лежали одеяло, комплект мужского белья, ботинки, которые прошлой зимой Билли ему выменял на лошадь, мешок с закупленными консервами, а также пистолет в кобуре, который он украл два года назад, когда Кен Рид научил его стрелять. Да, его опыт в стрельбе был невелик, и это огорчало. Лишь через два года ежедневной практики можно было сказать, что стреляет он достаточно хорошо. Во всяком случае, лучше, чем человек, которого он собирался убить из этого пистолета.

– Готов? – Светло-зеленые глаза Слэйда остановились на пуме, и он протянул руку, чтобы почесать огромную кошку за ушами. – Мне и так пришлось ждать слишком долго. Ребенком я мечтал поскорее вырасти. Ведь я ничего не мог поделать с той болью, которую мне причинили взрослые, до тех пор пока не вырасту. Мне было двенадцать, когда ты наконец набрался храбрости приблизиться ко мне.

– Храбрости! – возмущенно перебил Билли.

– Признай это, Билли, – насмешливо сказал Слэйд. – Вы, люди гор, думали, что я сумасшедший. А ты ведь всего на год старше меня. Даже ваши воины обходили стороной безумного белого мальчишку.

– Что же еще мы могли подумать? Ты был грязным, полуголым ребенком, от которого воняло за милю. Когда кто-нибудь приближался к тебе на расстояние выстрела, ты наставлял воображаемое ружье и стрелял. Если это не...

Слэйд разразился смехом:

– В тебя я тоже выстрелил, когда ты появился в первый раз.

– Из пальца, – проворчал Билли, но тоже улыбнулся. Слэйд Холт редко так искренне смеялся, обычно в его смехе слышалась горечь.

– Я же объяснил тебе, почему от меня тогда так отвратительно воняло. Прошло полгода, прежде чем запах скунса выветрился.

– Ты мог бы выкупаться в реке.

– Зачем? Пожалуй, единственное, что я ценил в своей свободе, – это то, что никто не заставлял меня мыться.

Билли сморщил нос.

– Сейчас твое мнение на этот счет изменилось. Чему я очень рад.

Слэйд пожал плечами:

– Некоторые привычки меняются с годами. Из воображаемых ружей я тоже больше не стреляю. В эту игру мы часто играли с братом-близнецом.

Слэйд помрачнел. Резкая боль, как выстрел, пронзила его. Так всегда бывало, когда он думал о брате. Он потерял виски. Зверь почувствовал неладное, поднял уши и перестал урчать.

Билли знал о приступах головной боли, одолевавших Слэйда. Его друг так и не смог вспомнить, что же произошло после того, как восемь лет назад их отец был убит бандитом Фералом Слоаном и они с братом бежали из Тусона.

Джейк Холт, отец Слэйда, один из тысяч золотоискателей, приехавших на Запад, и его друг Том Винхоф оказались счастливыми. В двадцати милях западнее Тусона они нашли богатую золотую жилу. Но им недолго сопутствовала удача – кто-то еще положил глаз на это золото. Слэйд мало знал об этом. Отец сказал только, что приходил какой-то человек, который хотел купить прииск, но Джейк отказал ему.

Вскоре Тома Винхофа нашли в переулке со свинцовой пулей в груди. В тот же день без какой-либо причины Ферал Слоан затеял ссору с Джейком и убил его прямо на улице. Слэйд стоял в десяти футах от них. Несколько секунд спустя Слоан, проходя мимо Слэйда, похвастался товарищу: «Самые легкие сто долларов, которые я когда-либо зарабатывал!»

Десятилетний мальчик понял, что бандиту заплатили за смерть отца. Незнакомый старик, стоявший рядом со Слэйдом, взял его за руку и предостерег: «Сначала старина Том, теперь

– Джейк. Этот проклятый прииск отныне принадлежит вам с братом, но готов держать пари, вам не видать прибыли. Я знаю сотни подобных случаев – ленивые ублюдки, чтобы прибрать к рукам то, ради чего человек всю жизнь гнул спину, убивают. Теперь вы, малыши, на очереди. Быстро забирай своего брата и катитесь отсюда. Эти громилы не остановятся перед убийством младенцев».

Слэйд взял брата, и они рванули на север, подальше от прииска, от Тусона, к горам. Их настигли. Прежде чем пуля оцарапала ему висок, Слэйд успел узнать Ферала Слоана. Мальчик упал с лошади и покатился по каменистому склону. Он помнил, что закричал и тут же потерял сознание, но больше не помнил ничего.

Дождь привел его в чувство. Он был один – ни брата, ни лошади. Позже он понял, что ему надо было остаться на том месте: ведь брат мог отправиться за помощью. Но тогда голова была словно в тумане и единственное, чего он хотел, так это найти брата. Прошло несколько месяцев, прежде чем он отказался от бесплодных поисков. К городам он не подходил, опасаясь, что его настигнет рука наемного убийцы, и вообще боялся обнаружить перед кем-либо, что он жив.

Слэйд научился жить в одиночку, он хотел выжить, чтобы стать взрослым, – тогда он уже не будет незащищенным. Свыкнувшись с отчаянием, он скитался по прибрежным областям реки Хилы, недалеко от горной стоянки апачей.

Странно, но он никогда не боялся индейцев. Они уважали его за это и позволяли жить на своей территории. Зато Слэйд боялся белых и избегал их. После двух лет полного одиночества он встретился с Билли Вулфом, и они подружились. Это произошло шесть лет назад.

Сначала они общались жестами и междометиями, но постепенно выучили языки друг друга. Вулф жил тогда с племенем своей матери, кочевниками, поэтому Билли и Слэиду часто приходилось надолго расставаться.

Билли был единственным человеком, кроме Кена Рида, которому Слэйд позволил к себе приблизиться. Немногим более двух лет назад Слэйд нашел Рида в горах Галиуро полумертвым – с двумя пулями в теле. Рид сказал, что у него возникли легкие разногласия с попутчиком. Слэйд выходил Кена. И в благодарность тот научил Слэйда всему, что знал сам, а знал он немало. Когда-то он был охотником, за большие деньги истреблявшим вредных животных, и принадлежал к породе людей, живущих за счет ружья и храбрости. Кен оказался к тому же вором, и однажды, когда Слэйд охотился, он исчез, прихватив с собой дюжину диких лошадей из табуна Слэйда. Либо он был абсолютно неблагодарным, либо полагал, что рассчитался со Слэйдом, обучив его всему, что знал. Слэйд не стал его преследовать.

Холту нравилось ловить мустангов, он обменивал их на необходимые ему вещи, остальных же отдавал Билли, который лошадей продавал. За эти годы Слэйд скопил приличную сумму денег, но тратить их у него не было нужды... до сегодняшнего дня.

Билли Вулф горевал. Он понимал, что раз Слэйд вступает на тропу войны, то, возможно, они никогда больше не увидятся. Он всегда знал, что такой день наступит, и, по правде говоря, ожидал этого еще в прошлом году, когда Слэйд вытянулся до шести футов и трех дюймов. Подвижная жизнь сделала его худым и мускулистым, а жаркое солнце Аризоны – темным, как индеец. Билли чертовски хорошо осознавал, что вернувшегося в цивилизованный мир Слэйда подозрительные горожане непременно примут за метиса – такого же, как он сам. Но Слэйд обладал необыкновенным хладнокровием. Его спокойствие даже слегка пугало, ему было всего восемнадцать. А яркие необычного цвета глаза и точеные черты лица гарантировали ему внимание женщин.

Билли усмехнулся:

– Что ты сделаешь сначала: обрежешь волосы или заведешь женщину?

Слэйд внимательно посмотрел на друга, но выражение лица у него при этом не изменилось.

– Полагаю, сначала придется обрезать волосы. Иначе первая же женщина, которую я встречу, с воплями убежит прочь.

– Если ты пострижешься и перестанешь походить на метиса, женщины станут драться из-за тебя. Может, лучше оставить волосы длинными, чтобы избежать лишних хлопот? У тебя их и так достаточно. Ты ведь знаешь, как обращаться с женщинами, не так ли?

– Думаю, это не так уж трудно, – нараспев сказал Слэйд. – Один раз ты показал мне, как это делается, когда ты с Малышкой...

– Нет! – закричал Билли, и его обдало жаром. – Наш лагерь находился в нескольких милях от твоего жилья... Ты хочешь сказать, что шел за мной?

– Я шел за тобой, – подтвердил Слэйд. – Зашел прямо в твой вигвам, а ты даже не почувствовал моего присутствия. А она заметила. Посмотрела на меня и усмехнулась. Она никогда не рассказывала тебе об этом?

– Нет, черт побери!

Слэйд нахмурился:

– Тебя это действительно так смутило? Ты сердишься?

– Это мое личное дело.

– Ты прав, – согласился Слэйд. – И все же я не жалею, дружище. Это дало мне больше, чем я надеялся узнать. – Он помолчал, погружившись в раздумье. – Теперь я знаю, что мужчина во время близости с женщиной теряет все свои преимущества, дарованные ему природой. Он становится слабым. Она же не растворяется настолько полно, поэтому оказывается сильнее.

– Ха! – Билли обрадовался, что у него появилась возможность реабилитироваться. – Не всегда, Слэйд. Ты видел меня с моей первой женщиной, когда я был неуклюжим от чрезмерного старания. С тех пор я научился сводить женщину с ума. Теперь она теряет над собой контроль, а не я. Но чтобы этому научиться, нужны время и опыт.

Слэйд взвесил слова Билли, размышляя, лукавит ли он, чтобы спасти свою репутацию, или же говорит правду. Понял, что в его речи присутствует и то и другое, но решил польстить другу:

– Ты научился этому? Каждая женщина, с которой ты имеешь дело, попадает теперь под твою власть?

– Да, я научился, – похвастался Билли, но затем заметил: – Но, черт побери, есть множество женщин, которым не нравится все, что бы ты ни делал.

Билли не стал уточнять, что эти женщины были немногочисленными белыми проститутками, которых он попробовал в городах.

– Но, может, у тебя все будет по-другому, – продолжал Билли. – Белые женщины относятся к метисам точно так же, как к апачам, хотя это совсем не одно и то же.

– Но как мне научиться?

– Черт, не думаешь же ты, что я стану учить тебя... Возьми женщину, и пусть она покажет тебе, что доставляет ей удовольствие. Так сделал я.

Когда Слэйд сталкивался с предметом, вызывавшим чувство неловкости, он просто уходил от него. Так он поступил и на этот раз: встал, подошел к лошадям, предоставив Билли возможность созерцать свою широкую спину, и позвал любимую серую кобылу.

Билли не смог удержаться от насмешки.

– Ты боишься первого раза?

– Только того, что женщина догадается.

Билли пришлось напрячь слух, чтобы услышать эти слова. Он кивнул, живо припомнив, как чувствовал себя в первый раз.

– Черт подери, ты можешь подождать еще несколько лет. В конце концов, ты же еще не вошел во вкус, – продолжил Билли. – Или еще лучше – напои леди так, чтобы она ничего не помнила.

Слэйд повернулся и посмотрел прямо в темные глаза Билли. Тому стало не по себе. Слэйд мог управлять своими чувствами еще лучше, чем апачи. И это сбивало с толку окружающих. Сейчас его лицо абсолютно ничего не выражало, но Билли по опыту знал, что за безразличным взглядом приятеля может прятаться как убийственная ярость, так и просто скука. Определить, что именно, было совершенно невозможно, несмотря на их дружеские отношения. На этот раз Билли показалось, что под взглядом Слэйда у него на загривке волосы встали дыбом.

– Черт побери, давай не будем об этом, – сипло сказал Билли и отвел глаза. – Думаю, нам следует обсудить, что ты намерен делать с лошадьми. Если ты действительно уезжаешь завтра утром, то...

Слэйд скользнул взглядом по табуну в тридцать с лишним голов. Большую часть он поймал за последние три года. Это было нелегко: он выслеживал табун, располагался поблизости, сливаясь с землей и становясь почти невидимым, и, наконец, выбирал одну из кобыл и подкрадывался к ней. Он уже давно не пытался что-либо предпринимать в присутствии вожака, ему приходилось ждать, пока тот на что-то отвлекался. Это занятие доставляло ему большое наслаждение, хотя и требовало терпения – терпения, которому его научил Билли и которое наконец-то пришло к нему три года назад.

– Теперь они твои, Билли, – сказал Слэйд.

Билли вытаращил глаза.

– Черт побери! Черт! Я знал, что на прошлой неделе ты отправился со мной только для того, чтобы доставить мне удовольствие. Я знал это!

– Глупости, – насмешливо бросил Слэйд. – Мне самому доставило удовольствие угнать скот прямо из-под носа хозяина ранчо. У него достаточно большое поголовье. Не думаю, что он заметит пропажу. К тому же я уже много лет не бывал на востоке. Это дало мне возможность увидеть выросшие за это время новые города и почувствовать запах цивилизации.

– Но всех лошадей, Слэйд? – запротестовал Билли. – Тебе пригодятся деньги, которые можно за них выручить.

– Для того чтобы осуществить свое намерение, у меня денег достаточно.

Билли не стал рассыпаться в благодарностях, а только кивнул:

– Итак, откуда ты начнешь поиск?

– Откуда все началось.

– Ты действительно думаешь, что Слоан все еще в Тусоне? Это же столица округа! Таким типам, как Слоан, теперь нелегко приходится в больших городах.

– Не важно, – небрежно бросил Слэйд. – Там или в другом месте, если он жив, я найду его.

– И убьешь?

– Я узнаю имя человека, который его нанял. – На этот раз голос друга прозвучал холодно и резко.

– Чтобы убить?

Слэйд отвернулся, прежде чем ответить:

– Тогда я стану свободен и смогу найти брата.

Билли поспешно сменил тему разговора:

– А как насчет золота твоего отца?

– А что?

– Оно все еще там, не так ли? Ты сказал, что твой отец с компаньоном так его замаскировали, что посторонний не увидел бы ничего, кроме жалкого прииска, а настоящий пласт скрывался за горным склоном.

Резкий приступ гнева исказил красивое лицо Слэйда.

– Это золото убило отца, разлучило с братом и заставило меня вести жизнь дикого животного. Оно мне не нужно. – Затем он добавил: – Что хорошего в богатстве? Земля предоставляет человеку все необходимое.

Билли что-то промышчал, но не стал произносить вслух, что Слэйд образом мыслей напоминает индейца. Только вот хорошо это или плохо?

Билли Вулф внимательно смотрел на человека, которого любил как брата.

– Что ж, если я когда-нибудь понадобится, ты знаешь, где меня найти. – Затем он ухмыльнулся, пытаясь облегчить момент расставания. – Я непременно стану богатым, обзаведусь хорошенькой женой, и тебе будет не слишком трудно разыскать меня. Надеюсь, что в твоё отсутствие я не встречу твою подружку пуму.

Слэйд засмеялся.

Ранним вечером салун Уискерса уже был переполнен. Он ничем не отличался от всех остальных салунов, которые посещал Слэйд в прошлом году. Теперь он уже не обращал внимания на реакцию, которую вызывало его появление. Все затихали, и вокруг него образовывалась пустота. Людей настораживали его сверхспокойные манеры, отпугивал суровый вид.

Слэйд никогда без причины не открывал своего имени любопытным. Теперь его имя стало проклятием, а сам он вызывал страх намного больший, чем обычно вызывает хорошо владеющий оружием чужеземец. Он приобрел известность месяц спустя после того, как начал поиск. И все благодаря глупому ковбою, который бросил ему вызов в маленьком поселении при прииске... Все присутствующие видели, как револьвер Слэйда выскочил из кобуры намного раньше, чем его противник успел прикоснуться к своему. Вот и все. В следующем городе, куда он пришел, о нем уже слышали. Слишком поздно он узнал о том, как быстро распространяются слухи: даже про человека, никогда в жизни не достававшего оружия из кобуры, могут рассказывать, что у него уже десять – пятнадцать зарубок на стволе, а если парень и в самом деле продемонстрирует свои навыки, его тут же сочтут опасным.

Слэйд еще никого не убил, а уже стал известен как убийца. Прошел всего год с тех пор, как он вернулся в мир белых людей, но молва утверждала, будто он прибыл пять лет назад из Техаса, где отправил на тот свет свою первую жертву. Говорили, что действовал он всегда честно и что ему не приходилось принимать участия в грязных делах. Тем не менее шерифы просили его сразу же покинуть их города, и Слэйд обнаружил, что невозможно получить какую-то информацию от людей, знающих его имя.

Он изменил внешность: снова отрастил волосы и вместо ботинок стал носить мокасины до колен. Это помогло. Ему не приходилось лгать, что он метис, просто люди принимали его за метиса. И вот после года поисков он наконец обнаружил Ферала Слоана.

Он нашел его в Ньюкомбе – городке с населением менее двухсот человек, считая работников на прилегающих ранчо. Слэйд узнал, что Слоан поселился в этом городе семь лет назад, вскоре после его основания. Особенно Слэйда взбесило то, что Слоан был управляющим ранчо, на которое они с Билли Вулфом совершили свой последний набег. Он находился так близко от убийцы отца и даже не подозревал об этом! А сейчас тот был еще ближе: Ферал Слоан с двумя друзьями сидел в салуне за одним из карточных столов.

Слэйд сразу узнал его: образ бандита никогда не покидал сознания Слэйда. Теперь ему было около тридцати, волосы гладко зачесаны назад, подбородок агрессивно выдвинут, но худощавое тело словно обмякло, появились залысины, лицо прорезали морщины – результат беспутной жизни. И хотя прожитые годы не были милосердны к его внешности, они, безусловно, принесли ему немалый доход. Бросался в глаза его богатый наряд, разукрашенный серебряными раковинами и прочими побрякушками.

Слэйд пришел к выводу, что Ферал Слоан принадлежал к числу лучших стрелков города. В салуне собрались ковбои с ближайших ранчо – был субботний вечер. Слэйд безошибочно

оценивал людей с первого взгляда. Он мысленно в качестве достойных противников отбросил всех мужчин, находящихся в помещении, кроме Слоана.

Теперь оставалось только ждать, а этому Слэйд Холт научился. Он не сомневался, что Слоан сам подойдет к нему, обязан подойти, чтобы поддержать свою репутацию. Беседа со зловещим чужеземцем всегда входила в обязанности городского стрелка. Люди ждали этого, требовали, чтобы он задал вопросы, которые удовлетворят их любопытство. Если же городские головоломки не получали ожидаемых ответов, они или отступали, громко ворча, или принимали фальшиво дружелюбный вид, надеясь в конце концов спровоцировать незнакомца на поединок.

Слэйд прождал всего минут двадцать, затем к барной стойке подошел Слоан. Мужчины, топтавшиеся рядом, стали отходить к столам: если между этими двумя начнется перестрелка, столы послужат прикрытием.

– Куда направляетесь, мистер?

Слэйд слишком хорошо помнил этот голос. «Самые легкие сто долларов, какие я когда-либо зарабатывал!» Он ощутил привычный приступ головной боли, но ни один мускул не дрогнул на его лице, даже когда ненавистный ему человек оказался на расстоянии вытянутой руки.

– Ты обращаешься ко мне, Слоан?

Ферал удивился, у него возникли какие-то подозрения.

– Вы знаете меня?

– А как же? Я о тебе слышал, но то было много лет назад. Думал, ты уже умер.

Слэйд искусно кинул наживку своему противнику. Люди, подобные Слоану, дорожили репутацией, и бандит стал поспешно оправдывать свое исчезновение со сцены.

– Обстановка складывалась так благоприятно, что я не смог устоять против искушения поселиться здесь, – поделился Ферал. – Но знаешь, как это бывает. Имя человека обрастает порой такой горой слухов, что они преследуют его, и когда он уже ведет спокойный образ жизни.

– Знаю, – кивнул Слэйд. – Слышал, что ты сейчас управляешь самым большим ранчо в округе. Хорошая работа?

Ферал ухмыльнулся. Нашелся человек, способный оценить его изобретательность.

– Самая лучшая, особенно если учесть, что я работаю, только когда хочу.

Слэйд приподнял темную бровь, сделав вид, что заинтересовался:

– Ты хочешь сказать, что тебе платят за ничегонеделание? Неужели?

– Я работаю на Сэмюэла Ньюкомба и, надо признаться, кое-что о нем знаю, и он не хотел бы, чтобы об этом узнали все.

Слэйд тихо присвистнул:

– Значит, он богатый, этот Ньюкомб?

– Можно сказать, ему принадлежит половина города, а в его банке лежат закладные на другую половину.

– Полагаю, он может себе позволить платить тебе жалованье, это ему выгоднее, чем...

– Заплатить кому-нибудь другому, чтобы избавиться от меня? – закончил Ферал, находя ситуацию забавной. – Это вполне в его стиле, но он не осмелится. Если со мной что-нибудь случится... ну, тогда кое-что выплывет.

Слэйд опустил глаза.

– У такого богатого человека должно быть много врагов.

– О, Ньюкомба здесь любят, но с таким прошлым у него не было бы шансов. Ему пришлось нанять небольшую армию, чтобы защитить себя. А еще... – Ферал снова усмехнулся и наклонился вперед, как будто сообщая секрет: – Сэмюэл даже сделал специальное примечание к завещанию: если он умрет насильственной смертью, человек, разгадавший с его убийцей, получит сто тысяч! Всем об этом известно, понимаешь? Смышленный, по-настоящему смыш-

ленный. Человек, который убьет его, не проживет и дня, это точно. Черт, единственный способ навредить ублюдку – разорить его. Но это смог бы сделать только очень богатый и умный человек.

– Кажется, ты не очень-то любишь своего благодетеля.

Ферал пожал плечами:

– Я слишком хорошо его знаю. Просто пока мы не гладим друг друга против шерсти.

– Ты уже давно с Сэмюэлом Ньюкомбом, не так ли? Не на него ли ты работал в Тусоне в шестьдесят шестом?

Выражение лица Слоана резко изменилось.

– Откуда, черт побери, вы?.. Никто в округе не знает об этом. Кто вы, мистер?

– На него, Слоан? – спокойно, но настойчиво переспросил Слэйд.

Ферал покрылся испариной. Этот высокий парень загнал его в тупик, и ему захотелось оказаться где угодно, только не здесь. Но тем не менее он не мог устоять, чтобы не похвастаться:

– Я сделал кое-какую работу для Сэма в Тусоне – убрал пару парней, от которых он хотел избавиться. Не очень трудная работа – всего лишь пара неизвестных, ничем не примечательных золотоискателей. – Он скромно пожал плечами. – А теперь скажи, откуда ты узнал.

– Я случайно был там, – тихо ответил Слэйд, – и видел это собственными глазами.

– Правда? – оживился Ферал. – Но, черт возьми, ты, наверное, был тогда еще ребенком!

– Да, но то, что тогда увидел, никогда не забуду.

Ферал по-своему истолковал слова Слэйда.

– Ты, наверное, наблюдал, как я расправился с Хоггсом? Да, это был славный бой. Ублюдок получил по заслугам за то, что осмелился бросить мне вызов.

– Нет, – злое слово сказал Слэйд. – Я видел, как ты застрелил золотоискателя, одного из тех, за убийство которых заплатил Ньюкомб. – Слэиду было необходимо услышать подтверждение.

– Об этом не стоит и вспоминать, там не было ничего примечательного, – осторожно заметил Ферал.

– Я знаю.

Ферал проглотил ком в горле.

– Ты так и не сказал, кто ты, мистер.

– Мое имя Холт, Слэйд Холт.

Он повторил свое имя, и его голос донесся до ближайшего стола, а через несколько секунд салун загудел.

– Ты разыгрываешь меня, мистер. – Ферал собрал всю свою храбрость, так что голос его прозвучал почти воинственно. – Слэйд Холт белый.

– Правильно.

Глаза, прежде казавшиеся светло-зелеными, теперь горели желтым огнем. Руки Ферала вспотели. Трудно управлять с оружием потными руками.

– Я не хотел оскорбить тебя, мистер Холт.

– Ты не обидел меня, – мускул чуть дернулся на лице Слэйда, выдав волнение. – Оскорбление было нанесено девять лет назад, когда ты убил неизвестного тебе золотоискателя. И, к твоему несчастью, не убил меня.

Ферал вытарашил глаза. Внезапно он понял, но понимание пришло слишком поздно. Он почувствовал запах смерти, своей смерти, машинально потянулся за пистолетом, но пуля пробила ему грудь, едва он успел коснуться кобуры. Его отбросило назад на несколько футов, и он упал на спину. Слэйд бесшумно подошел и встал в изголовье Слоана.

Слоан поднял глаза на лицо своего палача, на котором не отражалось никаких эмоций, даже торжества. Он умирал, а человек, убивший его, принимал его конец совершенно равнодушно.

– Паршивый ублюдок, – выдавил из себя Ферал, – надеюсь, ты отправишься... – Слова его звучали неясно. – Ты умрешь. Чертов парень. Умрешь, как должен был... предполагали тебя...

Глаза Ферала Слоана остекленели. С минуту Слэйд пристально смотрел на мертвеца. Хотя он и готовился убить своего врага и не сожалел о содеянном, желудок его свело. Желчь подступила к горлу. Но лицо по-прежнему оставалось бесстрастным, так что все присутствующие сочли его хладнокровным убийцей, привыкшим к смерти. Легенда о Слэйде Холте обрела новое подтверждение.

Но Слэйд думал не об этом. Он вспомнил двоих поспешно бежавших из Тусона десятилетних мальчишек, за которыми гнался убийца. Он увидел все это снова, но на этот раз голова не заболела от воспоминаний. Ферал Слоан выстрелил и решил, что он умер. Он не стал утруждать себя спуском в каменистое ущелье, чтобы удостовериться. Теперь наконец-то Слэйд вспомнил все. И знал, с чего начать поиски брата.

Он покинул Ньюкомб, даже не оглянувшись.

Глава 1

1882 год. Нью-Йорк

Неподалеку от шумного делового центра начинался спокойный жилой район с красивыми уличными фонарями и тенистыми деревьями. Вдоль улицы выстроились в ряд элегантные особняки. Среди домов из песчаника выделялись строения с мансардами в стиле Второй империи. Псевдогоthicеские особняки соседствовали с домами в итальянском стиле, с фронтонами над окнами и балюстрадами над карнизами.

Фасад дома Хэммонда, четырехэтажного здания с высоким крыльцом, был отделан белым мрамором. Маркус Хэммонд жил здесь с двумя дочерьми. Обязанный всем самому себе, он сумел преуспеть задолго до рождения первой дочери и до сих пор успешно преодолевал любые встречающиеся на его пути препятствия. Мало кто осмеливался противостоять его воле. Но вообще-то он был добрым и щедрым человеком, особенно по отношению к своим дочерям.

Одна из них, старшая, собиралась в этот момент на прогулку с женихом, выбранным для нее отцом. Шерис Хэммонд не возражала против такого союза. В тот день, когда отец сказал ей, что она должна будет нынешним летом выйти замуж за Джоуэла Паррингтона, она только кивнула в знак согласия. Годом раньше Шерис, возможно, стала бы оспаривать его выбор, могла даже запротестовать, но так было до ее путешествия по Европе и любовной истории, настолько унижительной, что теперь она с радостью готовилась вступить в надежный брак без любви.

Ей не на что было жаловаться – они с Джоуэлом Паррингтоном дружили с детства. У них были общие интересы, и она находила его необыкновенно красивым. Брак скорее всего окажется удачным, а позже, возможно, придет и любовь. Было бы лицемерием со стороны жениха и невесты говорить о ней сейчас: Джоуэл тоже выполнял волю отца. Но они нравились друг другу. Кроме того, Шерис знала, что подруги ей завидуют, и это если не радовало, то по крайней мере доставляло удовольствие. Всегда приятно, когда тебе завидуют женщины, вечно пытающиеся превзойти друг друга. Будучи одного круга и равноценного благосостояния, они могли позавидовать только одному – ее жениху.

Тем не менее ее мысли сейчас занимал не Джоуэл. Шерис пыталась угадать: где в этом огромном доме может находиться Чарли. Он составит ей компанию, если Джоуэл опять станет рассеянным, как не раз уже бывало в последнее время.

Она послала горничную Дженни отнести одежду, которую примеряла, прежде чем оставилась на одной из блуз и юбке во французском стиле – сочетание гладкого зеленого атласа с полосатым муаром. Саксонские перчатки и шляпку с пером она собиралась надеть прямо перед выходом из дома.

Она остановилась перед комнатой сестры, намереваясь посмотреть, не с ней ли Чарли.

Шерис стукнула в дверь и, не дожидаясь ответа, распахнула ее, застав младшую сестру врасплох. Стефани вздрогнула и быстро сунула какие-то бумаги в ящик письменного стола. Она осуждающе посмотрела на вошедшую.

– Тебе следовало постучать, – резко бросила Стефани.

– Я стучала, – спокойно ответила Шерис, в ее аметистовых глазах зажглись огоньки. – Пишешь любовные письма, Стеф? Знаешь, можешь не прятать их от меня.

Прелестное бледное лицо Стефани залилось краской.

– Вовсе нет, – запротестовала она. – В любом случае это не твое дело.

Шерис недоумевала. Она теперь не знала, чего ждать от своей маленькой сестренки. Как только Стефани исполнилось семнадцать, ее характер резко изменился. Она постоянно обижалась без какой-либо видимой причины. Шерис стала главным виновником этих неожиданных

вспышек, которые обычно заканчивались потоком слез. Все попытки узнать причину терпели неудачу.

Особенно сбивало с толку то, что Стефани за этот последний год превратилась в ослепительную красавицу, за которой ходила толпа кавалеров. Стройная, хрупкая, невысокого роста, с тонкой талией и полной грудью, прелестными светлыми волосами и голубыми глазами, она была обречена на успех. Ей завидовали все женщины, у которых отсутствовала хотя бы одна из этих черт, включая Шерис, не имевшую ни одной из них. Она ничего не могла с собой поделать, ей так хотелось походить на сестру! Однако Шерис успешно скрывала свои чувства, затаив их под маской самоуверенности, чем вводила в заблуждение даже самых проницательных. Некоторые находили ее весьма надменной.

Приводящее в недоумение поведение Стефани могло вывести из себя и святого. Единственным человеком, с которым она себе этого не позволяла, был отец. Но сестры прекрасно знали, что в его присутствии лучше воздержаться от приступов раздражительности. Только их мать, умершая через два года после рождения Стефани, осмеливалась спорить с Маркусом Хэммондом. У нее была сильная воля. Супруги часто и горячо ссорились, но когда мирились, то так же горячо любили друг друга.

Ни Шерис, ни Стефани, казалось, не унаследовали родительских черт. Отец считал их обеих послушными и мягкими девочками.

– Что тебе нужно? – с раздражением спросила Стефани.

– Я искала Чарли.

– Я не видела его весь день.

Шерис собралась было уходить, но любопытство пересилило.

– Что ты делала, когда я вошла, Стеф? Мы никогда ничего не скрывали друг от друга.

Стефани как будто заколебалась, и на какую-то долю секунды Шерис показалось, что она готова сдаться. Но затем она опустила глаза и по-ребячьи упрямо сказала:

– А если я писала любовное письмо? Может, у меня есть особый, тайный поклонник. –

Она посмотрела на Шерис и вызывающе бросила: – Возможно, я тоже скоро выйду замуж!

Шерис восприняла это как глупость.

– Жаль, что ты не хочешь сказать правды, Стеф. Мне действительно хотелось бы помочь. Но Стефани проигнорировала ее слова.

– Вижу, ты оделась для прогулки.

Шерис, вздохнув, сдалась.

– Джоуэл предложил покататься по Центральному парку, если погода будет хорошей.

– О... – В глазах Стефани промелькнула боль, но только на секунду. Затем она беззаботно сказала: – Что ж, не хочу тебя задерживать.

– Ты не хочешь поехать с нами? – неожиданно для себя спросила Шерис.

– Нет! Не хочу навязываться. Я должна закончить письмо.

Шерис пожала плечами:

– Поступай как знаешь. А мне необходимо найти Чарли. Увидимся вечером.

Едва дверь закрылась, как глаза Стефани наполнились слезами. Это несправедливо, до чего же это несправедливо! Шерис всегда получала все! Путь ее сестры был усыпан розами, она унаследовала роскошные медные волосы матери и ее необычные глаза, которые казались то глубокими, темно-лиловыми, то светлыми, загадочно-аметистовыми. Она всегда сохраняла уравновешенность и уверенность в себе и всегда была любимицей отца. Гувернантки, учителя, слуги – все старались заслужить одобрение Шерис. Тетушка Софи предпочитала Шерис, потому что та напоминала ей дорогую, безвременно умершую сестру. Ее внешность не соответствовала моде из-за слишком высокого роста и яркого цвета волос, но Шерис выделялась из любой толпы и делала это по-королевски, как будто только ей принадлежало право всегда находиться в центре внимания.

Стефани никогда не завидовала Шерис! Она нежно любила сестру. Но сейчас Шерис получит то, чем Стефани жаждала завладеть больше всего на свете, – Джоуэла Паррингтона. Ах, как она хотела заполучить его! И страдала от собственного бессилия. Он достанется ее сестре. Особую боль причиняла мысль, что Шерис к нему равнодушна.

Ей приходилось мириться и с этим – сестра не любила Джоуэла. Да и он никогда не смотрел на Шерис так, как смотрел на Стефани, – с восхищением, которого не мог скрыть. Если бы ему предоставили право выбора, она не сомневалась, кого бы он предпочел. Но выбора у него не было. Так же, как и у Шерис. Если бы только отец не был таким деспотом!

Если бы Шерис вышла замуж раньше! Если бы ей еще не исполнилось двадцать и у нее было время выбирать! Если бы она влюбилась в кого-нибудь другого! Шерис смогла бы бороться за себя. Она способна поспорить с отцом, чтобы отстоять свое счастье. Ведь добилась же она, чтобы оставили в доме Чарли!

Но какой смысл надеяться на чудо, когда до свадьбы осталось всего два месяца? Сердце Стефани разбито, и никто ей не сможет помочь. Но если она так страдает уже сейчас, что же будет потом? После свадьбы они собираются переехать в дом на этой же улице. Разве она сможет видеть их, зная, что они... Она не вынесет этого.

Стефани открыла ящик стола и достала засунутые туда бумаги. Ей недавно попалось на глаза брачное объявление в газете «Нью-Йорк таймс». Если она не может выйти за Джоуэла, то обвенчается с кем-нибудь, живущим далеко отсюда, чтобы никогда больше не видеть мужа сестры. Она написала три письма: два – мужчинам, которые сами опубликовали свои объявления, а третье – в агентство.

Стефани просмотрела письма еще раз. В них явно преувеличивались ее достоинства. Зачем она лжет? В ней нет ничего плохого, и она может стать кому-то замечательной женой. Или послать только одно письмо? Если она останется в Нью-Йорке, ее сердце окончательно будет разбито.

Стефани снова взяла объявление владельца ранчо в Аризоне. Она попыталась припомнить уроки географии. Да, Аризона далеко отсюда. И хозяин ранчо вполне подходит. Может, он владеет огромным поголовьем скота, о таких она слышала.

Она прочла все объявление целиком. Ей не хватало года до требуемого возраста, но можно немножечко приврать и написать, что ей восемнадцать. «Должна быть сильной и здоровой». На здоровье она не жаловалась, но у нее никогда не было повода проверить, насколько она сильна. «...Придется много работать». Что ж, она сможет, если это необходимо, но она настаивает на том, чтобы нанять по крайней мере полдюжины слуг. «Пришлите фотографию». Ха! Значит, он хочет знать, что получит, и надеется на нечто большее, чем на обычную деревенскую простушку.

Стефани мысленно улыбнулась, достала чистый лист бумаги и начала письмо Лукасу Холту.

Шерис вошла в кабинет отца. Огромный портрет матери украшал стену за письменным столом. Она знала, что он часто разворачивался на своем кожаном кресле и смотрел на портрет. Маркус Хэммонд горевал как никто и отказывался жениться снова, утверждая, что никакая другая женщина не сможет сравниться с его покойной женой. Друзья уже давно бросили попытки сватовства, оставив Маркуса один на один с драгоценными воспоминаниями.

Хэммонд, сидя за столом, просматривал газеты. Шерис очень мало знала о его делах – только то, что они были весьма разнообразны: каучуковая компания, пивоваренный завод, мебельная фабрика, фирма, занимающаяся импортом, дюжина пакгаузов и конторские здания.

Отец не собирался передавать бразды правления в ее руки. Ее не готовили к этому. Здесь крылась главная причина, по которой отец хотел сам выбрать ей мужа. Когда-нибудь этот человек станет управлять всем, чем владеет Маркус Хэммонд.

Маркус поднял глаза, и Шерис улыбнулась:

– Извини, что побеспокоила тебя, папа. Я искала Чарли. Ты его, случайно, не видел? Ясные голубые глаза сверкнули из-под темно-золотистых бровей.

– Здесь? Ты же знаешь, я его не слишком радушно принимаю. И он знает об этом.

– Я только спросила, не видел ли ты его.

– Нет, не видел. И надеюсь, что не увижу, – резко бросил он. – Держи его подальше от меня, Рисси.

– Да, папа, – вздохнула Шерис. Она покинула кабинет и направилась к кухне.

«Бесполезный лентяй» – так отец называл Чарли, и еще «бродяга». Шерис не думала, что Чарли станет так много значить для нее, когда нашла его, избитого, окровавленного, и выходила.

Шерис вошла на кухню не в самый удачный момент. До нее донесся тихий плач, затем громкие причитания. Когда она открыла дверь, повар немедленно вернулся к своим котелкам. Дженни, спустившаяся в кухню выпить чашку чая, сделала последний глоток и, проскочив мимо хозяйки, побежала наверх. Помощник повара стал яростно чистить картошку.

Двое стояли у стола: миссис Этертон, экономка Хэммондов, и новая горничная с нижнего этажа, которую Шерис видела только раз. И это маленькое создание громко плакало. На полу валялась разбитая чашка из голубого кобальтового сервиза, привезенного матерью Шерис из Франции. Это была одна из восьми чашек, которые Шерис приказала упаковать, чтобы взять с собой в новый дом. Бесценное сокровище, которое она намеревалась когда-нибудь передать своим детям. Шерис любила этот сервиз, его сложный узор и тонкие золотые ободки.

Она наклонилась, чтобы собрать осколки, ощущая боль в сердце. Остальные семь чашек стояли на стойке, рядом с коробкой. Шерис вздохнула. Если бы она не решила взять их в свой новый дом, они все целые и невредимые стояли бы в шкафу в столовой!

Увидев выражение ее лица, горничная снова принялась причитать:

– Я не хотела, мисс! Это вышло случайно, клянусь. Не позволяйте ей отсылать меня.

Шерис взглядела в суровое лицо миссис Этертон.

– Я уволила ее, мисс Хэммонд, – пояснила экономка. – Мне следовало сделать это раньше. Эта девушка мечтает, ничего не делает да еще и бьет посуду.

– Если она часто бьет посуду, не следовало поручать ей упаковывать чашки, – ответила Шерис.

Миссис Этертон вспыхнула, а горничная быстро заговорила:

– О, мисс, упаковывать должна была Молли, но она последние три дня плохо себя чувствовала и попросила меня помочь.

– Значит, вы сами взяли это на себя?.. Примите мои извинения, миссис Этертон, – сказала Шерис.

Экономка, собрав все свое достоинство, кивнула.

Горничная обратила удрученный взор сначала на экономку, затем на хозяйку.

– Дайте мне еще одну возможность, мисс! Клянусь, я стану работать лучше. Я не могу вернуться назад в Файв-Пойнтс. Пожалуйста, не отсылайте меня назад!

– Файв-Пойнтс? – Миссис Этертон внезапно пришла в ярость. – Ты сказала мне, что приехала с фермы, находящейся на севере штата. Значит, ты солгала?

– Вы ни за что не наняли бы меня, если бы узнали, что я из Файв-Пойнтс!

Шерис слушала с отвращением. Она не могла винить убитую горем бедную девушку. Сама она никогда не бывала даже рядом с Файв-Пойнтс, но знала, что в этой части Манхэттена находятся самые отвратительные трущобы, в том числе печально известный старый пивоваренный завод. Люди там ютились в ветхих, грязных лачугах. Ежегодная статистика убийств, грабежей и других преступлений ошеломляла. Никто чужой не чувствовал себя в безопасно-

сти на этих улицах. Подумать только: бедное дитя, которому, очевидно, не больше пятнадцати, выросло в той среде и отчаянно пытается вырваться оттуда!

– Вы предоставите ей еще один шанс, миссис Этертон? – импульсивно сказала Шерис.

Лицо экономки вспыхнуло.

– Но, мисс...

– Каждый человек заслуживает большего, чем один шанс, – твердо заявила Шерис. – Только постарайтесь быть аккуратнее в будущем.

– О, благодарю вас, мисс!

– А теперь... кто-нибудь из вас видел Чарли? – спросила Шерис.

– В кладовке, мисс, – сообщил повар.

– Конечно, в кладовке, – сказала Шерис.

Да, там он и лежал, на прохладном кафеле, рядом с кусочком украденного дыпленка. Не сказав больше ни слова, Шерис покинула кухню вместе с Чарли. Длинношерстный кот уютно устроился на руках хозяйки.

Глава 2

Стефани отложила письмо, которое только что прочла вслух, и с вызовом посмотрела на свою ближайшую подругу Труды Бейкер.

– Теперь ты видишь, что я не выдумывала, когда сказала, что выхожу замуж. В этом месяце я стану миссис Лукас Холт.

Они устроились в спальне Стефани, типично женской комнате, с белыми занавесками на окнах, бледно-лиловыми обоями, бело-розовым пологом над кроватью и такой же скатертью на столе. Небольшой диванчик, на котором сидела Труды, был обит розовой парчой, гармонировавшей с ее дневным платьем. Внешне девушки были похожи: почти одного роста, с одинаковым цветом волос. Только глаза у Труды были зеленые, и родилась она на шесть месяцев раньше, что, по ее мнению, имело большое значение. А по характеру Труды была более энергичная и смелая. Видимо, поэтому она не могла смириться со сложившейся ситуацией.

Если бы она не видела собственными глазами билеты на поезд, ей бы все еще казалось, что лучшая подруга дурачит ее.

– Ну?

Труды попыталась сформулировать вопрос, казавшийся ей самым важным.

– Знаешь, возможно, он некрасив. Может, он настолько безобразен, что все женщины отвергли его. Вот почему ему пришлось искать невесту по объявлению.

– Глупости, Труды. Бывает и наоборот – он не может найти достаточно хорошенькую девушку, которая бы понравилась ему.

– Ты выдаешь желаемое за действительное, Стеф! Ты послала ему фотографию, но почему не попросила его сделать то же самое?

Стефани закусила губу.

– Я просила, – призналась она. – Но он не прислал и никак это не объяснил.

– Вот видишь! Он старый и безобразный и понимает, что ты не приедешь, если увидишь его.

– Может, у него просто нет фотографии.

– Стеф, почему ты не хочешь признать, что совершаешь опрометчивый поступок? – Лицо Стефани приняло еще более упрямое выражение, и Труды поспешно продолжила: – Почему именно он? Есть по крайней мере дюжина мужчин, которые охотно женились бы на тебе, и выглядят они вполне прилично. Ты не должна ехать только потому, что Лукас Холт прислал билеты и ждет тебя. Отошли билеты назад. Чем это тебе грозит?

Стефани выглядела несчастной.

– Ты не понимаешь, Труды. Единственный мужчина, который мне нужен, женится на моей сестре. Я должна уехать. Свадьба Шерис на следующей неделе, и я не намерена присутствовать на ней.

– Значит, ты убегаешь.

Стефани отвела взгляд.

– Если ты предпочитаешь выразиться таким образом – да, я убегаю.

Труды нахмурилась:

– И не важно, что ты, возможно, будешь несчастна всю оставшуюся жизнь?

– Я покорила судьбе, – вздохнула Стефани.

– А ты хоть что-нибудь пыталась предпринять, чтобы изменить существующее положение вещей? Ты говорила с отцом? Рассказала сестре? Кто-нибудь, кроме меня, знает об этом?

– Нет, нет и нет. Это ничего бы не изменило, только унизило бы меня еще больше. Отец не принимает меня всерьез. Он все еще считает меня ребенком. И мне невыносима мысль, что Шерис узнает. Я не хочу, чтобы она жалела меня.

- Она же твоя сестра, а не враг. Она любит тебя и, возможно, сумеет помочь.
- Она ничего не сможет сделать.
- Откуда ты знаешь? Ты боишься поговорить с отцом, а она может и решится.
- Она не осмелится, – тяжело вздохнула Стефани. Труды совсем не знала Маркуса Хэммонда.

- Она более опытная, Стеф, и не так покорна обстоятельствам, как ты.
- Она только делает вид, – возразила Стефани.

Труды предприняла еще одну попытку:

- А что, если Шерис откажется выйти замуж за Джоуэла? Кажется, она его не любит.

Стефани криво усмехнулась:

- Никто не осмелится перечить моему отцу, и, уж конечно, не Рисси и не я.

– Короче говоря, Стефани Хэммонд, ты не собираешься даже попытаться, не так ли? – сердито подытожила Труды. – Уж я-то никогда не сдалась бы без борьбы. Я бы сделала все, что в моих силах, и добилась бы своего. – Стефани пожала плечами. – От тебя только и требуется, что сказать сестре правду. Ведь она не любит Джоуэла, и ей не придется отказываться от чего-то дорогого. Ты же говорила, что ей все равно и что она относится к своей свадьбе так же, как к еще одному балу. Я сама видела ее с Джоуэлом. Она обращается с ним, как с братом. Если она и любит его, то очень хорошо это скрывает.

- Нет, не любит. Я уверена в этом.

- Так почему бы ей не помочь тебе?

- Труды, прекрати. Она ничего не может сделать.

– А что, если сможет? Или ей удастся отложить свадьбу и в конце концов ты выйдешь замуж за Джоуэла? В крайнем случае пусть она убежит. Тогда уж точно свадьба не состоится.

– Это безумие, Труды, – сердито бросила Стефани, но это был гнев на себя, потому что ей самой хотелось, чтобы Шерис уехала. Лукас Холт скорее всего старый и безобразный, и она действительно будет несчастлива с ним. Что она делает со своей жизнью? Девушка почувствовала, как слезы подступили к глазам.

– Хорошо, наверное, я смогу рассказать Рисси о своих чувствах, – нерешительно сказала Стефани.

– Это первая разумная мысль, которую ты сегодня высказала. – Труды улыбнулась ей, испытывая некоторое облегчение.

- Спокойной ночи, Рисси.

- Спокойной ночи, Джоуэл.

Шерис закрыла глаза в ожидании привычного поцелуя, отчаянно надеясь, что на этот раз она хоть что-нибудь почувствует. Но не почувствовала. В руках, сжавших ее плечи, не было силы, а губы бесстрастно коснулись ее губ. Он никогда не прижимал ее к себе, и внезапно она осознала, что, в сущности, ей неизвестно, что значит быть заключенной в объятия мужчины. Антуан Готье тоже никогда не обнимал ее со страстью. Он ласкал ее руки. Но даже прикосновение губ Антуана к ее ладони возбуждало ее больше, чем поцелуй Джоуэла.

Но не он был в том виноват. После унижения, нанесенного ей Антуаном, она поклялась никогда больше не любить. Так что все в порядке. Никто уже не сможет причинить ей такую боль. Она приказала себе не надеяться на что-то большее, чем легкая привязанность.

Вздохнув, Шерис еще постояла у двери, наблюдая, как Джоуэл сбежал с крыльца и сел в экипаж. Он необыкновенно красив. Аристократически бледный цвет лица. Небольшие усы всегда аккуратно подстрижены. Его стройная фигура выгодно отличалась от мускулистого тела ее отца. В нем не было вызывающей надменности, а это тоже очень важно. Ее отец, казалось, сконцентрировал в себе все высокомерие, какое только она могла вынести. Джоуэл был добродушным и обладал каким-то беззаботным обаянием. О чем еще можно мечтать?

Кого она пыталась обмануть? Кому понравится, если мужчина даже не хочет притвориться, будто находит тебя желанной. Антуан хотя бы притворялся. Нет, она не станет их сравнивать. Джоуэл совсем не похож на обманщика Антуана. Что ж, возможно, она лишена тех качеств, которые привлекают мужчин. Большинство мужчин отталкивал ее рост, остальных отпугивала ее худенькая мальчишеская фигура. Ей, по-видимому, не хватало женственности, способной возбуждать в мужчинах страсть.

О, некоторые из них поглядывали на нее с нескрываемым вожделением, но ее больше не проведешь. Они напоминали ей Антуана. Их наверняка приятно волновала мысль о том, чтобы лишить девушку невинности. Они только этого и хотели. По крайней мере ей больше не придется терпеть такое унижение, когда она будет замужем. На следующей неделе она станет миссис Джоуэл Паррингтон. И все же он не любит ее, а она – его. Но это не имеет значения. Она никогда не полюбит снова, так что такие отношения надо принять как должное.

Глава 3

У Маркуса Хэммонда повысилось давление. Он сердито посмотрел на старшую дочь, но та впервые в жизни не затрепетала от страха при виде его недовольствия. Она сидела прямо перед ним и отвечала ему столь же сердитым взглядом. Он не мог поверить своим глазам. Она была сейчас так похожа на жену! Но он не намерен терпеть бунт.

– Возвращайся в свою комнату, Шерис!

Ее большие аметистовые глаза, казалось, стали еще больше.

– Ты хочешь сказать, что ты не станешь даже обсуждать это со мной?

– Нет.

Она упрямо вздернула подбородок и откинулась на спинку стула, устраиваясь поудобнее.

– Я не лягу спать до тех пор, пока мы не решим этот вопрос.

– Не ляжешь? Не ляжешь? Ради Бога...

– Неужели ты даже не выслушаешь меня? – взмолилась Шерис.

– Слушать глупости? Не буду!

– Но разве ты не видишь? Я не могу выйти за Джоуэла. Разве это возможно, когда я знаю, что его любит Стефани?

– Стефани еще ребенок, – отмахнулся Маркус. – Она слишком молода, чтобы понимать что-либо в любви.

– Ей семнадцать, отец, – заметила Шерис. – Разве маме было больше, когда ты женился на ней?

– Оставь в покое маму! – зарычал Маркус.

Шерис отступила.

– Если бы ты только послушал, что я хочу сказать... Я не люблю Джоуэла, но Стеф его любит. Так почему за него должна выходить я, а не она?

– Это нужно было обсудить раньше, когда говорилось о помолвке, а не теперь, когда до свадьбы осталась неделя. Ты была не прочь выйти за Джоуэла, пока твоя сестра не наговорила этих глупостей. Теперь слишком поздно, Шерис.

– О, я сейчас закричу! – с отчаянием воскликнула Шерис. – Отец Джоуэла твой лучший друг, вы были знакомы еще до моего рождения. Если объяснить ситуацию Эдварду, он, безусловно, поймет.

– Черта лысого он поймет, – проворчал Маркус, которого приводила в ужас мысль о том, чтобы признаться другу, что накануне свадьбы он хочет заменить невесту. Какая нелепость! – Не желаю ничего об этом слышать!

– Но, отец...

– Я сказал – не желаю! – Он встал, выпрямившись во весь свой пугающе огромный рост, и Шерис побледнела. – Ты еще сама не слишком взрослая, чтобы избежать порки, Шерис Хэммонд, и, клянусь Богом, именно это я и сделаю, если ты еще хоть раз заговоришь со мной обо всех этих глупостях!

Шерис ничего не ответила. Храбрость покинула ее, и она выбежала из комнаты. На верхней площадке лестницы она остановилась, сердце бешено стучало. Кажется, никогда в жизни она не была так напугана. Как она осмелилась перечить отцу? Она сама не могла понять. Продолжать сопротивляться после последней ужасной угрозы... невозможно. Она предполагала, что разговор с отцом будет нелегким, но не ожидала от него такого яростного отпора. Пригрозить ей поркой! Она содрогнулась.

Стефани сидела в комнате Шерис на краешке кровати и с волнением ждала.

– Мне очень жаль, Стеф, – все, что могла сказать Шерис.

Из глаз сестры полились слезы.

– Я знала, что ничего не получится. Я говорила об этом Труди, но она была так уверена, что ты сможешь что-нибудь сделать!

Шерис подошла к кровати.

– Пожалуйста, не плачь, Стеф. Может, после того, как отец немного подумает...

– Если он сказал «нет», он ни за что не передумает. – Стефани разрыдалась еще сильнее. – Мне не следовало говорить тебе. Я должна была просто уехать, как и собиралась.

– Уехать? – Шерис решила, что ослышалась. – Что ты имеешь в виду?

– Не важно, – буркнула Стефани.

– Тебе не нужно никуда уезжать, Стеф.

– Разве? – сердито бросила Стефани, думая, что Шерис жалеет ее. – К твоему сведению, есть мужчина, который ждет меня в Аризоне, он хочет жениться прямо сейчас. У меня есть билеты, чтобы добраться туда. Я, может, даже выйду замуж раньше, чем ты, – добавила она, не зная, впрочем, как долго ей придется добираться до Аризоны.

– Но где ты познакомилась с этим человеком?

– Я... По правде говоря, я не знакома с ним. Мы переписывались.

– Что?

– Почему это тебя удивляет? Такое случается. Видишь ли, на Западе не хватает женщин. Каким еще образом эти храбрые мужчины могут найти подходящих жен?

Защищаясь, Стефани старалась говорить веско, хотя на самом деле она так же мало знала о Западе и о невестах по переписке, как и Шерис. Но сестра не должна была догадаться о том, как она смертельно боится ехать к незнакомому Лукасу Холту.

– Ты хочешь сказать, что собираешься выйти замуж за человека, которого совершенно не знаешь? Проехать через всю страну... Стеф, как тебе в голову такое взбрело?

– Но я не смогу остаться здесь после того, как ты выйдешь замуж за Джоуэла. Я уеду завтра, и не смей удерживать меня.

– Но ты так неопытна, Стеф! Ты можешь заблудиться еще по дороге на станцию.

– Твое пребывание в Европе еще не означает, что ты единственная, кто умеет путешествовать, – огрызнулась Стефани. – Я ездила к тетушке Софи, и я справлюсь.

– Ты ездила к тете Софи со мной и с папой. Ты никогда не путешествовала одна. И... Боже мой, надо же такое придумать: выйти замуж за незнакомца! Нет, я не могу этого допустить!

Стефани сердито прищурилась:

– Ты заставишь меня остаться здесь и увидеть, как ты выходишь замуж за Джоуэла? Ты поступишь со мной так жестоко?

– Стеф!

– Я люблю его! – Новый поток слез уже готов был пролиться. – Я люблю его, а ты с ним обвенчаешься. Знаешь, – с горечью добавила она, – единственное, что может предотвратить эту свадьбу, – так это твое отсутствие. Может, ты уедешь вместо меня? Конечно, нет. Ты не ослушаешься отца. Я и не жду, что тебе хватит мужества бросить вызов отцу и убежать.

– Он сказал, что выпорет меня, – тихо произнесла Шерис.

– О, – пробормотала Стефани, и все обвинения замерли на ее устах.

– Подожди минуточку, – вдруг сказала Шерис. – Почему бы мне не уехать? Это разрешило бы проблему. Отец увидит, что я действительно не намерена выходить замуж за Джоуэла, мне придется только не появляться здесь до тех пор, пока он не сдастся.

– Это правда, Рисси? – спросила Стефани, не смея надеяться. – Ты действительно делаешь это для меня?

Шерис задумалась. Отец придет в ярость. Может быть, она не сможет вернуться домой несколько месяцев. Но по крайней мере она не будет виновата в несчастье своей сестры.

– Почему бы и нет? – смело заявила она. – Я могу уехать к тете Софи.

Стефани покачала головой:

– Это первое место, где отец станет искать. Не думаешь же ты, что он даже не попытается найти тебя?

– О Боже, – нахмурилась Шерис. – Дай подумать минутку.

– Ты можешь воспользоваться моими билетами.

– Поехать в Аризону? Но это же страшно далеко.

– Но где еще ты сможешь остановиться? Лукас Холт по крайней мере позаботится о тебе до тех пор, пока я не дам знать, что можно возвращаться назад.

– Позаботится обо мне? – чуть не задохнулась Шерис. – Человек ожидает невесту, а не гостью. К тому же он ждет тебя, а не меня.

– Ну, честно говоря, он не знает, кого ждет. Я послала ему фотографию, на которой ты, я и папа, ту, которую сделали после твоего возвращения из Европы. Я... о... я забыла написать ему, которая из нас я.

Если Шерис так добра, что согласна уехать, стоит отправить ее как можно дальше, чтобы у отца не было возможности отыскать ее. Аризона – подходящее место.

– Когда я отправляла Холту письма, – продолжала она, – я подписывалась только фамилией. Так что, видишь, он не заметит подмены, если приедешь ты. И ему незачем знать, что ты не собираешься за него замуж.

– Ты хочешь сказать – обмануть его?

– Ну, он же не собирался жениться на мне немедленно. Он написал, что мы должны сначала познакомиться поближе. Немного времени спустя ты сможешь сказать, что ничего не получается и ты не можешь выйти за него замуж.

Шерис пришла в ужас:

– Я не могу обманывать.

Стефани не сдавалась:

– Но у тебя ведь нет денег на жизнь.

– У меня есть драгоценности. Этого хватит на какое-то время.

– Продать их?

– Если понадобится.

Стефани засомневалась, имеет ли право принимать от сестры такие жертвы, но мысль о Джоуэле подавила угрызения совести.

– Наверное, ты не сможешь получить за них нужную цену, – задумчиво сказала Стефани. – Почему бы тебе не воспользоваться приглашением Лукаса Холта? Я говорила тебе, что он хозяин ранчо? Я дам тебе его письмо и объявление. Наверняка он окажется приятным парнем. Возможно, он богат. Ты сможешь жить на широкую ногу.

– Прекрати, Стеф. Я никогда бы не решилась так поступить с человеком. Но билетом я, пожалуй, воспользуюсь для того, чтобы выбраться отсюда. – Шерис усмехнулась, взволнованная собственной смелостью. – Может, пойдем в мою комнату и начнем упаковывать вещи? Если я намерена уехать, это надо сделать пораньше, как только отец уйдет в офис. Ты прикрой меня днем и вечером. Отца можно держать в неведении до следующего дня, а к тому времени я буду уже далеко. Тебе придется отменить все мои встречи. Я должна была увидеться с Шейлой завтра за ленчем и провести вечер у Кэрл... .

– Как мне отблагодарить тебя, Рисси? – воскликнула Стефани.

– Стать как можно скорее миссис Джоуэл Паррингтон. Я могу исчезнуть на какое-то время, но мне не хотелось бы отсутствовать слишком долго. – Она грустно улыбнулась. – В конце концов, ничто не может сравниться с Нью-Йорком. Я люблю его и не хочу жить в тоске по дому.

Стефани усмехнулась:

– Ты вернешься скорее, чем успеешь соскучиться.

Глава 4

Бенджамин Уискерс стоял за стойкой и медленно вытирал пивную кружку. Его взгляд был устремлен на Лукаса Холта, который подошел к вращающейся двери, выглянул на улицу, затем вернулся и снова встал у стойки. Он допивал третий стакан виски и уже в пятый раз выглядывал на улицу. Бену смертельно хотелось спросить, кого он ждет, но он не решался. У него в голове все еще не укладывалось, что это дружелюбный Холт, а не тот, второй.

Если бы семь лет назад Бен не видел собственными глазами, как Слэйд Холт убил Ферала Слоана, он бы не смотрел теперь с таким подозрением на Лукаса. Но он присутствовал при этом и видел, как Слэйд хладнокровно застрелил Ферала и ушел, не испытывая ни малейшего раскаяния. Слэйд Холт – опасный человек. А Лукас внешне точная копия Слэйда. Они близнецы. И это вызывало у Бена нервную дрожь.

Лукас нравился многим в городе, действительно нравился. И не потому, что они не верили рассказам о Слэйде, а просто сначала познакомились с Лукасом, и, хотя братья выглядели совершенно одинаково, они отличались друг от друга, как день и ночь.

Лукас достал что-то из кармана, нахмурившись, посмотрел на это и положил на место. Он проделывал подобное уже во второй раз. Нынче он выглядел не слишком любезным. Обычно они обменивались парой фраз, но не сегодня. Он пил виски, как воду, и казался очень взволнованным.

Два года назад все в городе были потрясены, когда Лукас здесь поселился. Люди удивлялись, почему он выбрал Ньюкомб, но никто не задавал вопросов. Город перестал расти за счет приезжих. С тех пор как железная дорога прошла мимо, многие намеревались переселиться. Но Лукас Холт приехал и купил старое ранчо Джонсона в трех милях от города. Он держался особняком и не причинял никому беспокойства. Возможно, он оказался бы приятным человеком, узнай его поближе, но Бен не пытался подружиться с Лукасом: он никак не мог отделить его от Слэйда.

Когда Лукас поселился здесь, вернулся и Слэйд Холт. Его не часто заносило сюда, но когда он приходил, то всегда давал людям тему для разговоров. Посетив брата на ранчо, он обычно заглядывал в город. В его присутствии люди менялись – становились тише. Все ссоры откладывались до тех пор, пока Слэйд не покидал город.

Черт! Никто даже не осмеливался спросить о метисе, работавшем у Лукаса. Кто бы посмел? Все видели, как Билли Вулф прискакал в город вместе со Слэйдом. Нетрудно было догадаться, что они друзья. Слэйд привез Билли Вулфа к Лукасу, потому что индейцы считаются непревзойденными ловцами диких лошадей, а Лукас как раз лошадьми и занимался. Из-за тех неприятностей, которые постоянно причиняли апачи из резервации, метиса вышвырнули бы из города, если бы не братья Холты. Лишь благодаря им никто не осмеливался бросить косой взгляд на Билли Вулфа.

Лукас снова подошел к двери, и на этот раз, когда он возвращался к стойке, Бен не удержался и спросил:

– Вы кого-то ждете, мистер Холт? Я заметил, что вы постоянно выглядываете на улицу.

Лукас устремил свои зеленые глаза на Уискерса:

– Я кое-кого встречаю, Бен.

– Наверное, брата?

Лукас усмехнулся, услышав беспокойные нотки в голосе хозяина салуна.

– Нет, Уискерс, я не жду брата в ближайшее время. Сегодня приезжает моя невеста.

– А... невеста? Ну и дела! Ну и дела! – Бен был так взволнован, что забыл об осторожности. – Сэм Ньюкомб, конечно, будет очень рад услышать об этом.

– Что?

– Поймите меня правильно, – быстро сказал Бен. – Но, я полагаю, вы знаете, что Сэм женат не слишком давно, и, думаю, вы также видите, что его жена не сводит с вас глаз. Не подумайте, что Сэм ревнивый человек, но, думаю, ему хотелось бы знать, что его собственность принадлежит только ему. Он будет очень рад узнать, что вы обзавелись женой.

Лукас ничего не сказал, он курил. Бен попал в цель. Основная причина, по которой Лукас сидел здесь и ждал невесту, была Фиона Ньюкомб. Именно из-за нее он попал в такое затруднительное положение. О, они неплохо проводили время вместе, когда он только поселился в Ньюкомбе. Она была тогда Фионой Тэйлор и содержала единственный в городе пансион. Он никогда не давал ей повода рассчитывать на что-то большее, чем легкое развлечение. Но ей-то хотелось замуж! Когда он отказался даже обсуждать эту тему, она обратила свой взор на Сэмюэла Ньюкомба.

Сэм понимал, что получил Фиону как бы рикошетом, и эта мысль уязвляла его самолюбие. До знакомства с Фионой Лукас поддерживал дружеские отношения с Сэмюэлом Ньюкомбом – то, что ему и требовалось. По иронии судьбы богач чувствовал себя в долгу перед Слэйдом за то, что тот помог ему избавиться от Ферала Слоана, сидевшего в его теле, как заноза.

Все шло по плану, пока не вмешалась Фиона. Лукас приехал с востока, и у него было больше средств, чем можно заработать, разводя лошадей на ранчо. Из этого Сэм заключил, что Лукас знает толк в делах. И когда тот упомянул о небольших капиталовложениях и предложил Сэму войти в долю, он согласился. А когда эти инвестиции принесли прибыль, оказалось нетрудно раскрутить Сэма на большее.

Но теперь все усложнилось. Дружеские чувства Сэма к Лукасу слегка поугасли из-за Фионы. Как заметил Билли Вулф, Сэм не расслабится и не станет снова доверять Лукасу до тех пор, пока Фиона не успокоится.

И все же Лукасу не следовало соглашаться на женитьбу. В тот момент эта мысль понравилась ему, но тогда он уже выпил несколько стаканов, и почти все, что говорил Билли, казалось ему разумным.

– Ньюкомб будет настороже, пока она не утратит интереса к тебе и не исчезнет опасение, что ты можешь в любой момент с ней удрать. А если ты женишься, он перестанет беспокоиться, и, даст Бог, не заметит, как много корреспонденции ты получаешь с востока. Если же он решит разузнать о твоих делах, то тогда наступит конец всему. Тебе необходимо отвести от себя подозрения как можно скорее, и женитьба – наилучший способ.

Лукас не хотел жениться. Когда он наблюдал за Билли и его женой Уиллоу, у него иногда возникало страстное желание иметь свою женщину. Наверное, из-за одинокой жизни на ранчо. Он не привык подолгу оставаться на одном месте, тем более жить в уединении. Он всегда имел женщин и не знал у них отказа. А потом, ему хотелось двигаться дальше, а как быть, если у тебя жена?

Но Лукас оставил себе лазейку. Вместо того чтобы искать женщину в этом районе, он написал своему юристу с просьбой поместить объявления в восточных газетах. Он надеялся, что девушка с востока придет в ужас, увидев, что ее ждет, и захочет вернуться назад, в чем он с радостью ей поможет некоторое время спустя. Проблема состояла в том, что ему придется удерживать ее здесь достаточно долго, чтобы успеть завершить начатое.

Ему невольно поможет священник, который приходит в город не чаще, чем раз в месяц. Как только Сэмюэл Ньюкомб поверит, что он женится, вопрос можно считать решенным.

Он утаил от Билли, что не намерен жениться. Но поскольку на ранчо, кроме него и Билли, живут Уиллоу и старый Мак, честь девушки будет оградена и никто не посмеет обсуждать ее пребывание в доме Лукаса. Ей, возможно, все это не понравится, но безрассудная особа, готовая вручить свою судьбу незнакомцу, не должна быть слишком привередливой. К тому же он намерен хорошо ей заплатить за потраченное время и причиненное беспокойство. Он

надеялся, что отъезд «невесты» будет выглядеть внешне как ее собственное решение, а его обман никому не причинит вреда.

Он снова достал фотографию из кармана. Его взгляд скользнул мимо «невесты» и обратился к другой девушке. Она позировала по-королевски – плечи расправлены, маленькая грудь выступает вперед. Ее рост придавал ей царственный вид, в чертах проглядывала надменность. Она казалась тонкой, как тростинка, но что-то в ней было такое, что привлекло его внимание с первого взгляда.

Лукас уже готов был остановиться на девушке из Филадельфии, когда пришло письмо с фотографией от мисс Хэммонд. Он сразу же понял, что ему повезло. На снимке была изображена явно богатая семья, о чем свидетельствовала одежда всех троих. А Лукас по опыту знал, что избалованные достатком девушки абсолютно ничего не знают о тяжелой работе. Поэтому богатая «невеста», несомненно, откажется от той жизни, которую он предложит. Его ничуть не огорчало, что девушка оказалась самой красивой из всех претенденток. Он только не переставал удивляться, почему такое очаровательное создание, как мисс Хэммонд, выходит замуж по переписке.

Он, разумеется, ничего не имел против того, чтобы какое-то время полюбоваться таким хорошеньким личиком. У Лукаса не было намерения воспользоваться ее безрассудством независимо от того, хорошенькая она или нет. Если она приедет сюда девственницей, такой же она и вернется на восток. Он не хотел давать ей повода думать, что она обязана выйти за него замуж, чтобы сохранить репутацию.

Лукас поймал себя на том, что снова смотрит на фотографию, и быстро отложил ее, испытывая досаду. Он опять подошел к двери, но дилижанса все еще не было. Интересно, что эта горожанка, мисс Хэммонд, думает об Аризоне, где солнце прожигает тебя насквозь и где можно скакать верхом неделями, не встретив ни единой живой души? Он усмехнулся. Само путешествие, возможно, заставит ее захотеть вернуться назад. Время года на его стороне – середина лета. Бедная девочка, наверное, уже не раз теряла сознание от жары. Нет, состоятельной, воспитанной в довольстве нью-йоркской девушке определенно здесь не понравится.

Глава 5

Шерис помахала носовым платком в надежде, что влажная ткань немного охладится, прежде чем она поднесет ее ко лбу, но безуспешно. Мысль о том, что придется вытереться льняной тканью, уже насквозь мокрой от пота, не соблазняла, но другого выхода не было. Белье прилипло к телу. Волосы на лбу и висках, выбившиеся из тугого узла, тоже были влажными.

Она перестала беспокоиться о своей внешности. Сначала ей хотелось выглядеть похуже, чтобы избежать приставаний в поезде. Она даже попросила очки у одной из горничных, прежде чем покинуть дом. Но очки уже давно сломались, а она и без них выглядела наихудшим образом.

Шерис все еще не могла поверить, что у нее осталось всего лишь два доллара, на которые она сможет только раз поесть, если дилижанс остановится до того, как достигнет Ньюкомба. Питалась она ужасно и сильно похудела, чего не могла себе позволить. Лукас Холт, едва взглянув, отошлет ее назад.

Она и представить себе не могла такого ужасного пекла! Ей хотелось уютно устроиться в каком-нибудь маленьком городке Среднего Запада в компании Чарли. Бедный Чарли! Он страдал еще больше, чем хозяйка, – длинная густая шерсть лезла из него клочьями, он лежал, равнодушный ко всему, и тяжело дышал. Откуда ей было знать, что здесь окажется так невыносимо жарко? Она ничего не слышала об этих краях. Но если бы даже и знала, все равно не оставила бы Чарли.

Она все еще не могла поверить, что Стефани так поступила с ней. Шерис приняла на себя весь риск, включая ярость отца, и все это ради Стефани. Почему же сестра еще больше осложнила ее жизнь, уговорив ехать в Аризону? Но самым худшим было то, что Шерис обнаружила пропажу драгоценностей. Она вспомнила, что дала Стефани подержать сумочку с украшениями, пока усаживала Чарли в корзинку для путешествий. Покинув дом, она ни разу не выпустила сумочку из рук, включая тот момент, когда задремала в поезде. И обнаружила пропажу, когда стала искать письмо мистера Холта. Зачем Стефани взяла драгоценности? Мысль о том, что она оказалась вдали от дома без средств, привела Шерис в ужас. У нее не было даже денег на дорогу назад! Ей оставалось надеяться только на то, что Лукас Холт окажется приличным человеком.

Его письмо не вносило ясности. Заявление о том, что ему необходимо время, чтобы получше узнать ее, выглядело довольно самонадеянно. Что ж, ей это, пожалуй, даже выгодно. Она сможет воспользоваться этим поводом, чтобы отложить свадьбу. Она станет смотреть свысока на все окружающее, и он не будет слишком удивлен, когда она скажет, что у них ничего не получится. А из того, что Шерис успела увидеть в Аризоне и узнать о ее дерзких мужчинах, она заключила, что ей не придется слишком усердно притворяться.

Большой дилижанс, покачиваясь, пересекал высохшее русло реки. Только небольшие участки липкой грязи напоминали о воде. В экипаже было девять мест, но сейчас осталось всего четверо пассажиров. Места было много, и никто не стал возражать, когда она выпустила Чарли из корзины. Но все уставились на него, как будто никогда не видели прежде домашнего кота. Может, и правда не видели. Ей определенно не попадался ни один с тех пор, как она пересела на другой поезд в Канзасе.

Впереди появились горы, поросшие лесом. Это зрелище поразило Шерис, уже привыкшую к пустыням и возвышенностям, на которых росли только кактусы. Заглядевшись, она не заметила, как они подъехали к городу.

– Ньюкомб. Остановка один час, – объявил возница.

Шерис словно очнулась. Неожиданно в ней разыгралось тщеславие, и она пожалела, что не переоделась на предыдущей остановке. Шерис не делала этого с тех самых пор, как покинула

дом. Она воспринимала заботы Дженни как должное, а теперь вынуждена была носить блузу, которую не могла снять сама.

Шерис одернула себя: она здесь не для того, чтобы производить благоприятное впечатление! Даже хорошо, что она выглядит так плохо. Но, помня о хороших манерах, она тем не менее, как только посадила Чарли в корзину, заставила себя снова надеть жакет. Когда дилижанс подъехал к остановке, какой-то гигант появился из облака пыли и стал помогать пассажирам выходить. Шерис изумленно взглянула на него, затем, обнаружив, что на нее тоже смотрят, поспешно отвернулась. Когда пришло ее время сойти с дилижанса, она приняла его руку рассеянно, так как размышляла: кто из стоящих вокруг мужчин Лукас Холт?

– Будь я проклят!

Шерис повернулась к восклицавшему. Он не отпускал ее руки.

– Вы позволите, сэр? – высокомерно спросила она.

Он сделал вид, что смущен.

– Я не хотел сказать ничего плохого.

– Надеюсь, – холодно ответила она и с удивлением увидела его усмешку.

Оказавшись на земле, Шерис еще больше изумилась его росту. Он был таким высоким и широкоплечим, что заставил ее почувствовать себя необыкновенно маленькой. Никогда прежде она не ощущала ничего подобного. Ее отец достаточно высокий, но рядом с этим человеком он бы показался карликом. Может, это земля великанов? Но нет, беспокойный взгляд, брошенный вокруг, не нашел больше ничего похожего. Он был единственным, этот человек, рассматривавший ее с видом собственника.

Сердце ее заколотилось. Может ли быть, что это Лукас Холт?

– Вы не?..

– Лукас Холт. – Его усмешка стала еще шире, заблестели ровные белые зубы. – Мне нет необходимости спрашивать, кто вы, мисс Хэммонд.

Даже в самых невероятных мечтах Шерис не могла бы представить себе Лукаса Холта таким – грубовато-мужественным, мощным и... Она почувствовала в нем высокомерие. О Боже, до чего он похож на ее отца! Шерис тотчас же решила, что не может рассказать ему правду ни в коем случае.

Она попыталась разглядеть что-то, кроме его силы, пугавшей ее. По крайней мере он молод – лет двадцать пять или двадцать шесть. И его нельзя назвать безобразным. Некоторые женщины, возможно, даже сочтут его весьма привлекательным, но она привыкла к безупречно опрятным, утонченным мужчинам. На нем не было даже сюртука! Рубашка наполовину расстегнута, и пахло от него лошадыми и кожей. У него даже висел револьвер на бедре! Может, он дикарь?

Выбрит он был чисто, но это еще больше привлекало внимание к его бронзовой коже и длинным непокорным черным волосам. Глаза у него были необычные. Их цвет напоминал ее ожерелье из перидота: желтовато-зеленые камни – прозрачные и сверкающие. Темная кожа, казалось, еще больше подчеркивала блеск его глаз.

Лукас позволил девушке рассмотреть себя. Это была она, та самая, которая понравилась ему на фотографии. Она немного пропылилась, но это только придало ей более земной вид. Все равно, черт побери, она здорово выглядела! Казалось, мечта осуществилась: ему захотелось, чтобы она приехала, и вот она здесь.

– Пожалуй, пора взять ваши вещи, мэм.

Шерис наблюдала, как он направился к багажному отсеку дилижанса и легко подхватил дорожный сундук и чемодан, которые спустил возница. Холт усмехался. Почему он казался таким довольным? Она выглядела как пугало. Он должен был прийти в ужас.

Он вернулся с сундуком на плече и чемоданом под мышкой.

– Там коляска.

Она огляделась и увидела отель.

– Но я думала... Я намеревалась...

Лукас посмотрел в том же направлении.

– Что вы останетесь в городе? Нет, мэм, вы будете жить на ранчо, вместе со мной. Но не беспокойтесь о своей репутации. Мы будем там не одни.

Она поняла, что было бы нелепо надеяться, что он оплатит ее комнату и пансион, когда у него, наверное, огромный дом и армия слуг. Она последовала за ним к коляске и подождала, пока он погрузит багаж.

– Вам что-нибудь нужно в городе? – спросил Лукас.

Шерис застенчиво улыбнулась.

– Единственное, что мне нужно, мистер Холт, это как следует искупаться. Мне ни разу не удалось как следует помыться с тех пор, как я покинула Нью-Йорк. Но, думаю, с этим можно подождать до приезда на ранчо.

– Вы не останавливались по дороге в меблированных комнатах?

Шерис вспыхнула, но, может, будет лучше, если он сразу узнает правду.

– У меня было мало денег. Я потратила все, что имела, на еду.

– Но питание было включено в стоимость билетов!

Шерис открыла рот от изумления:

– Что?

– Все было организовано, но, похоже, деньги потрачены впустую. – Он задумчиво оглядел ее. – Значит, у вас совсем нет денег?

Шерис страшно на себя рассердилась. Почему она не посмотрела на билеты повнимательнее? Отчего кондуктор ничего не сказал? Почему Лукас Холт не написал об этом?

Гнев заставил ее голос зазвучать дерзко:

– Вас это огорчает? Надеюсь, вы не ожидали приданого?

– Нет, мэм, – усмехнулся он. Хорошо, значит, она попадает от него в полную зависимость. У нее нет денег, и она не сможет уехать, даже если захочет. – Но я вообще ждал не вас.

– Не понимаю, – нахмурилась Шерис.

Лукас достал из кармана фотографию и протянул ей:

– В вашем письме говорится, что вы слева.

Она опешила. Значит, Стефани солгала. Значит, он ждал Стефани, а получил ее.

– Я... мне следовало быть поточнее. Видите ли, я иногда путаю правое и левое. Извините, мистер Холт. Вы, должно быть, ужасно разочарованы.

– Мэм, если бы я был ужасно разочарован, как вы выразились, то посадил бы вас обратно в дилижанс. Между прочим, как вас зовут?

Улыбка его была очаровательной, голос глубоким и звучным. Она знала, что будет волноваться во время первой встречи, но не предполагала, что настолько сильно.

– Шерис, – ответила она.

– Звучит на французский манер.

– Моя мать была француженкой.

– Что ж, может, покончим с формальностями? Меня обычно называют Люком.

Тотчас же кто-то окликнул:

– Кого ты привез нам, Люк?

Грузный маленький человечек стоял в дверях «Ньюкомбской бакалеи». Магазин занимал весь дом. В большинстве же нью-йоркских зданий располагалось множество контор.

Ее внимание снова переключилось на Холта, представлявшего ее хозяину бакалеи. Она очень удивилась, услышав, как он добавил:

– Я знал мисс Хэммонд еще до своего приезда сюда. Она наконец-то согласилась стать моей женой.

– Правда? – радостно улынулся Томас Билфорд. – Так вас можно поздравить? Ваш брат приедет на свадьбу?

– Я не собираюсь устраивать пышное торжество, Томас. Просто приглашу священника, когда он придет в город.

– Люди будут разочарованы.

– Что поделаешь, – резко ответил Лукас.

– Что ж, удачи вам, Люк, мэм, – смущенно пробормотал бакалейщик и быстро скрылся в магазине.

Пока они ехали по маленькому, в одну улочку, городку, Шерис хранила задумчивое молчание. Когда миновали последнее здание, она наконец спросила:

– Почему вы сказали мистеру Билфорду, что мы познакомились раньше?

Лукас пожал плечами:

– Никто бы не поверил, что вы – невеста по переписке. Но, конечно, если вы предпочтете...

– Нет! Все в порядке, – уверила она его.

Шерис снова замолчала и отвела взгляд. В сидевшем рядом с ней мужчине произошла перемена. Исчезла мальчишеская усмешка, и теперь он казался холодным, неприступным и, видимо, о чем-то глубоко задумался.

– Почему вы здесь, Шерис Хэммонд? – неожиданно спросил он.

Она снова взглянула на спутника. Он смотрел прямо перед собой на грязную дорогу. Что ж, она предвидела этот вопрос.

– Я недавно овдовела, мистер Холт.

Эти слова привлекли его внимание, и она побледнела под его пронизывающим взглядом. Возможно, зря она это придумала? Может, девственность являлась неперемнным условием? Но история бедной вдовы так убедительно объясняла, почему она стала невестой по переписке.

– Извините, может, вы ожидали юную невинную девушку, – тихо сказала Шерис. – Я, конечно, пойму, если вы...

– Это не имеет значения, – оборвал ее Лукас.

Он снова смотрел на дорогу, рассерженный на себя за то, что прореагировал таким образом. Это действительно не имело никакого значения. Разве он не предвидел, что она может оказаться не девственницей? Так почему же это расстроило его?

– Этот мужчина на фотографии? – немного погодя спросил Лукас.

– Мужчина на?.. Боже упаси, конечно, нет! Это мой отец.

– Ваш отец еще жив?

– Да. Но мы отдалились друг от друга. Видите ли, отец не одобрял моего мужа. И он не очень-то любит прощать.

– Так что вы не смогли вернуться к нему после смерти мужа?

– Нет. К сожалению, муж не оставил мне никаких средств. Конечно, я не вышла бы за него, если бы знала, что у него так много долгов, – натянуто добавила она. – Но... – Она вздохнула. – Я выросла в состоятельной семье и не смогла бы работать и обеспечить себя. Когда поняла, насколько плохо обстоят мои дела, ваше объявление показалось мне решением проблемы.

– Что-то вы упустили.

– Не думаю. – Шерис начала впадать в панику.

– Вас нельзя назвать заурядной женщиной, – многозначительно заметил он. – Если вы решили снова выйти замуж, стоило ли уезжать так далеко? У вас, наверное, были предложения и поближе к дому.

Шерис усмехнулась. Конечно, предложения были, и немало, еще с тех пор как ей исполнилось пятнадцать. Но либо женихи домогались ее приданого, либо были неприемлемы по каким-то другим причинам.

– Да, я получила несколько предложений.

– И?

– Они не пришлись мне по душе.

– Что же вам по душе?

Шерис смутилась.

– Я не люблю высокомерия и жесткости. В мужчинах я ценю чувствительность, добродушие, хорошее настроение и...

– Вы уверены, что описываете мужчину? – не удержался Лукас.

– Уверяю вас, я знала таких мужчин, – сказала Шерис с возмущением.

– Вашего мужа?

– Да.

Лукас фыркнул:

– Вы очень рискуете, делая ставку на меня. Что, если я не обладаю ни одним из этих качеств?

Она мысленно застонала.

– Ни одним? – чуть слышно пробормотала она.

– Я не утверждаю этого. Но как знать?

– Я... Боюсь, я недостаточно все продумала. Но мне казалось, что любой вариант будет лучше того, что был у меня дома. – Она вздохнула. – Я не предполагала... Хочу сказать, конечно, я надеялась на лучшее.

– Вы разочарованы?

– Вы не можете требовать от меня ответа так скоро. – Она все больше и больше расстраивалась.

Его же ситуация явно забавляла.

– Милая, ваш первый же брошенный на меня взгляд показал, разочарованы вы или нет.

– Внешность – не главное в мужчине... – услышала свой чопорный тон Шерис.

Она пришла в ужас, обнаружив, что, сама того не желая, говорит ему комплименты. Ей хотелось, чтобы он почувствовал ее пренебрежение.

Лукас снова усмехнулся, и Шерис внезапно поняла, что, хотя их разговор длится довольно долго, она еще ничего не узнала о нем. Наконец, осмелившись, она задала вопрос:

– А вы не высокомерны?

– Надеюсь, что нет.

– Любите командовать, подавлять? – продолжила она.

Он усмехнулся:

– Я? Командовать такой красавицей, как вы? Я бы никогда не осмелился.

Почему у нее было такое чувство, словно он поддразнивает ее? Шерис замолчала, отказавшись на время от дальнейших расспросов.

Глава 6

Прислонившись к дверному косяку, Уиллоу смотрела на облако пыли вдали. Ее однокомнатный домик по меркам белых считался маленьким. Но она привыкла к невысоким вигвамам, построенным из кустарника и травы, – жилищам, которые можно было легко сжечь, когда приходило время идти дальше. И этот дом из крепкого дерева казался ей огромным. Она обжилась здесь за эти два года, с тех пор как муж привез ее сюда, оторвав от семьи и племени.

Уиллоу только на четверть принадлежала к племени апачей Белых гор, на четверть она была мексиканкой и наполовину белой из-за ублюдка, когда-то изнасиловавшего ее мать. Но она казалась чистокровной апачи и очень гордилась этим.

– Он едет, Билли, – сказала Уиллоу своим тихим мелодичным голосом.

Билли Вулф подошел и встал позади жены, наблюдая за приближающимся облаком пыли. Он усмехнулся и обнял ее расплывшуюся талию.

– Как ты думаешь, он привез ее?

Уиллоу почувствовала усмешку Билли. Слишком часто он усмехался в последнее время.

– Ты все еще считаешь забавным, что уговорил его жениться?

– Думаю, это как раз то, что нужно. Ему осточертело ждать того момента, когда удастся поставить «большого человека» на колени. Еще месяц – и он позволит Слэйдку самому взяться за это дело. А Люку потребуется какое-то развлечение. Так почему бы ему не жениться?

– Но, может, она ему не понравится?

– Не понравится? – ухмыльнулся Билли. – Какое это имеет значение, если она служит только для забавы.

– Ты совсем не думаешь о девушке, – резко заметила Уиллоу.

Но муж явно не испытывал раскаяния.

– В первую очередь нужно заботиться о друзьях. Поэтому я здесь. А теперь давай зайдем в дом, пока нас не увидели. Ты же знаешь, горожанки всегда впадают в истерику, когда в первый раз видят индейцев. – Билли снова ухмыльнулся. – Мы дадим ей время до завтра, а потом уж познакомимся.

Уиллоу неодобрительно взглянула на мужа.

– Надеюсь, ты не собираешься ее напугать, Билли?

– Разве я посмею поступить так с невестой друга?

Нет, конечно же, он так не поступит, ее шутник муж.

* * *

Увидев дом, Шерис в ужасе закрыла глаза и попыталась уговорить себя, что он не маленький, а просто... немного старомоден. Но в действительности перед ее взором предстало квадратное, даже не окрашенное строение. Хижина. И она должна здесь жить? Рядом стояла конюшня, раза в два больше дома, и тоже не окрашенная. За конюшней находился обширный загон, на который отбрасывал тень старый тополь. Полдюжины лошадей лениво бродили по траве. В сотне футов от загона стояла другая хижина, еще меньше, чем первая.

– Думаю, вы привыкли к более просторным апартаментам? – спокойно спросил Лукас, помогая ей выйти из коляски.

Шерис не ответила. Что она могла сказать? Что ее дом на Пятой авеню – огромный особняк? Ему незачем знать об этом.

Но выражение ее лица было достаточно красноречиво, и Лукас усмехнулся. А что она ожидала увидеть? Возможно, такой же дом, какой воздвиг Сэмюэл Ньюкомб, чтобы выста-

вить напоказ свое богатство, – двухэтажный, с роскошной отделкой и огромными комнатами? Лукаса же дом вполне устраивал, ему частенько приходилось жить и в худших. Правда, и в лучших – тоже. Но сейчас ему нужна всего лишь крыша над головой. Он не намерен оставаться здесь слишком долго. Его усмешка стала еще шире.

Лукас украдкой наблюдал, как она осматривалась, прижимая к груди корзинку, словно утопающий спасительную соломинку. Выглядела гостя ужасно испуганной, точно как в тот момент, когда увидела его впервые. Она напоминала ему пугливого жеребенка. Интересно, она всегда такая? Может, ее, как и большинство других представительниц слабого пола, отпугивает его рост? Хотя, должно быть, она считает себя слишком высокой для женщины. Но, с его точки зрения, рост у нее что надо.

Лукас ждал, пока Шерис закончит осмотр. В свете полуденного солнца далекие горы, простирающиеся куда ни кинь взгляд пастбища и торчащие там и сям кактусы казались деталями одной выцветшей декорации.

Он подумал, что пройдет совсем немного времени, и ее белая, как сливки, кожа приобретет золотистый оттенок. В саду ей придется работать в более легкой одежде. Она, должно быть, испеклась в этом тяжелом дорожном костюме. Чем скорее она снимет его...

И он начал мысленно помогать ей в этом.

– Шерис?

Она вздрогнула, забыв о его присутствии. Лукас стоял и ждал, когда она войдет в его дом. Что найдет она там? Такое же убожество?

Шерис вздохнула и вошла внутрь, постаравшись не задеть юбкой длинные ноги своего жениха. Дневной свет едва пробивался сквозь плотно задернутые занавески. Но не успели ее глаза привыкнуть к полумраку, как дверь закрылась и Шерис оказалась крепко прижатой к мускулистой груди Лукаса Холта. Она вскрикнула и попыталась вырваться, но крик был приглушен губами, приникшими к ее губам.

Она оцепенела, Чарли зашипел. Внезапно Шерис почувствовала себя свободной, но не сдвинулась с места. Она стояла, дрожа, и глядела широко открытыми глазами на Лукаса. Трудно было сказать, кто из них больше удивлен.

– Я всегда считал, что это преувеличение, – сказал Лукас. – Но теперь вижу, что женщина действительно может шипеть, как кошка.

– Думаю, это всего лишь преувеличение, мистер Холт, поскольку шипел мужчина. А точнее, кот. Надеюсь, вы не будете возражать. Я не смогла оставить Чарли одного.

Она поставила корзинку на стул, открыла ее и вынула оттуда Чарли. Лукас с удивлением уставился на диковинного лохматого зверя. Никогда прежде ему не доводилось видеть такого длинношерстного кота. Золотисто-оранжевая шерсть была почти такого же оттенка, как волосы его хозяйки. Лукас видел дюжины котов на востоке, но такого – никогда.

В этот момент из глубины дома появился Мак.

– Черт побери, что это такое?! – воскликнул он. – Не вы, мэм, – быстро поправился он. – Что это за штука у вас на руках?

Шерис с удивлением посмотрела на маленького человечка с заросшим седой щетиной подбородком, живыми голубыми глазами, в шляпе с широкими полями. Лукас поспешно представил Мака, красочно описав его многочисленные обязанности на ранчо. Но Мак не обращал на Шерис ни малейшего внимания. Его взгляд по-прежнему был прикован к Чарли.

– Что это? – повторил он.

– Мой любимец Чарли.

– Эта дикая тварь – ваш любимец?

– Он не дикий, – уверила Шерис. – Это персидский кот. Их довольно много в Европе, но в Америке они редки. В Англии даже устраиваются выставки кошек, где публике демонстрируют редкие породы, такие, как порода Чарли.

– Все коты, которые здесь живут, – хищники, – заметил Мак. – А этот малыш не кусается? – Он нерешительно протянул руку, чтобы приласкать Чарли, но кот в ответ предостерегающе заворчал.

– Простите его, – сказала Шерис. – Боюсь, он не слишком любит людей. Пожалуй, я единственная, кого он терпит.

Мак фыркнул и, повернувшись, чтобы уйти, пробормотал:

– Будет лучше, если эта злющая тварь не встретится с Билли. А то он может счесть ее пригодной для того, чтобы бросить в кастрюлю.

Шерис обратила расширившиеся от ужаса глаза на Лукаса:

– Я правильно его поняла?

– У Мака острый язык, – сказал Лукас, забавляясь. – Все его слова, как правило, приправлены крупницей соли.

– Но...

– Вам не стоит беспокоиться о своем любимце, во всяком случае, Билли не причинит ему вреда. Билли тоже работает у меня. И он совсем не такой жестокий, каким хочет показать его Мак.

Может, Лукас просто дразнит ее? Наверное, ей следует взять с него слово, что с котом ничего не случится. Но на всякий случай она решила держать Чарли при себе.

Затем Шерис осмелилась коснуться еще одной важной темы:

– Мистер Холт, что касается вашего поведения...

– Вы имеете в виду, как я поздоровался со своей невестой?

Его дьявольски обаятельная улыбка, смягчившая черты и сделавшая его потрясающе красивым, лишила Шерис дара речи.

– Нас прервали, – добавил он. – Если вы хотите, чтобы я продолжил...

– Нет! Я хочу сказать, что мы же не обычные обрученные. То, что может быть позволено им, неприемлемо для нас. Мы ведь только что познакомились.

– И вы хотите сначала узнать меня получше?

– Именно. – Она почувствовала облегчение. В конце концов, с ним будет не так уж трудно справиться. Главное, чтобы Лукас понял: она не допустит никаких вольностей.

– Но как я смогу лучше вас узнать, если вы будете держать меня на расстоянии? Если вам не нравится целоваться, мы можем не сойтись характерами.

Она рассердилась.

– Я не привыкла позволять целовать себя незнакомцам, – сказала она натянуто, – а вы для меня все еще незнакомец.

Лукас покачал головой.

– Вы требуете от меня держаться на расстоянии, но если я послушаюсь вас, мы так и останемся чужими друг для друга. Пройдет несколько месяцев, прежде чем я пойму, подходите ли вы мне. Зачем же терять время?

Шерис пришла в ужас. Значит, по его мнению, все окажется пустой тратой времени, если после испытательного срока он обнаружит, что они не подходят друг другу. Все верно. Но то, что он предлагает, отвратительно. Неужели ей придется уступить?

Шерис призвала на помощь весь свой опыт общения с мужчинами.

– Мистер Холт, я понимаю, что наша ситуация – единственная в своем роде, и мне придется сделать на это скидку. Тем не менее я прошу у вас немного времени, чтобы привыкнуть к вам. Чуть позже поцелуй-другой станут допустимы. Большого я не могу позволить до тех пор, пока мы не женаты. Если это вас не удовлетворит...

Лукас знал, когда нужно отступить.

– Вполне разумное предложение. Ваша комната здесь, налево. Сейчас принесу ваши вещи.

Когда он вышел, Шерис облегченно вздохнула и огляделась. Помещение, в котором она находилась, оказалось больше, чем она ожидала. В дальней его части разместилось что-то вроде кухни: дровяная печь, раковина с ручным насосом, буфеты, заставленные тарелками, большой стол и окно, выходящее на задний двор. В другой половине комнаты находились камин и перед ним небольшой деревянный диван без подушек, на полу лежал толстый ковер. Неподалеку от входной двери стояло старое кресло-качалка с высокой спинкой.

Шерис почувствовала отчаяние. Обстановка производила угнетающее впечатление. Она содрогнулась при мысли, что и ее спальня окажется такой. Настала пора это проверить. Она подошла к двери и открыла ее. Оба окна были распахнуты, занавески отдернуты, и солнце щедро заливало комнату. Но ни одна из находящихся там вещей не привлекла внимания Шерис и не пришлась ей по вкусу. Она вышла и быстро заглянула в соседнюю спальню, которая оказалась более мрачной. Постель не застлана, шкаф открыт, грязная одежда висит на дверцах и валяется на полу. Несомненно, это комната Лукаса. Почувствовав неловкость, Шерис тихо прикрыла дверь. Затем ее осенило. В доме только три комнаты, и никаких помещений для слуг. Значит...

– Ну и как? – спросил Лукас, входя с ее багажом.

Шерис не знала, как сформулировать свои опасения: ее тревожила мысль о том, что они будут спать в доме вдвоем.

– У вас нет... никаких слуг в доме?

– Да, у меня нет слуг в доме. – Он снова одарил ее обаятельной мальчишеской улыбкой. – Теперь вы понимаете, почему мне нужна жена.

Лукас снова поддразнивал ее, но на этот раз она обиделась:

– Не проще ли было бы нанять слугу?

– Конечно, – согласился он. – Но я же не вправе рассчитывать, что слуга станет делить со мной постель, не правда ли?

Он сказал это настолько небрежно, что Шерис почувствовала внутри какой-то странный холод. Страх? Шерис подождала, пока он отнес багаж в ее комнату.

– Вы, наверное, захотите распаковать вещи, – предположил он. – И, помнится, вы хотели принять ванну. Я ее приготовлю и соображу чего-нибудь поесть, а вы отдохните.

Он вернулся в комнату, и его живые зеленые глаза минуту изучали ее.

– Вам нечего здесь бояться, Шерис. Пока я отвечаю за вас, никто не причинит вам вреда.

Он оставил ее в одиночестве обдумывать сказанное. Нечего бояться? Если бы только она могла уйти отсюда! Но выбора у нее нет. Если даже она напишет Стефани сегодня же вечером, в ближайшее время все равно ничего не изменится. Ее привел сюда обман, и она не имела ни малейшего представления, как из этого положения выбраться.

Глава 7

Шерис открыла глаза, и солнечный свет ослепил ее. Она в замешательстве села, затем поняла, что причина ее пробуждения – небольшое зеркальце, которое она поставила накануне на бюро. Солнце быстро нагрело дом.

Взяв тонкий шелковый пеньюар со спинки кровати, Шерис подошла к окну. Прелестный пеньюар, лимонно-зеленый, с белой кружевной отделкой, так славно сочетался с сорочкой, купленной тетужкой во Франции. Шерис привезла его с собой, так как думала, что будет жить одна в маленьком уютном коттедже, а не окажется под одной крышей с мужчиной.

То, что она взяла летнюю одежду, пожалуй, можно считать единственным разумным поступком, совершенным ею в последнее время. Все остальное – какое-то безумие, особенно ее поспешное решение покинуть дом и помчаться в неизвестном направлении, не подумав о собственной безопасности.

Шерис вздохнула, глядя, как солнце уплывает за толстые ветви гигантского дерева. Неожиданно она с содроганием осознала, что окно расположено совсем низко и любой прохожий мог заглянуть в него и увидеть ее лежащей в постели.

Она вспыхнула и поспешно задернула занавески. Сейчас Шерис могла представить себе только одного человека, заглядывающего к ней в комнату. Она также задернула занавески на другом окне, затем вернулась к кровати и села, пытаясь успокоиться. Все в комнате напоминало ей о Лукасе: большая круглая лохань, которую он наполнил вчера водой, поднос с тарелками.

Ее взгляд упал на блузу, доставившую ей столько неудобств. Теперь она валялась в углу, куда Шерис забросила ее в порыве раздражения. Пришлось разрезать ее, чтобы снять. Вещь недопустимая, если учесть скудость ее гардероба. Но не могла же она попросить Лукаса или Мака помочь ей! Одна, наедине с двумя мужчинами, и он считает, что это в порядке вещей и все приличия соблюдены!

На бюро лежало письмо, написанное ею поздно ночью. О Господи, чего только она с собой не взяла, рассчитывая на спокойное пребывание в какой-нибудь милой деревушке! Теперь Шерис было просто смешно. Пеньюары, льняные утренние платья, дневные платья, костюм для загородных прогулок и в комплекте с ним перчатки, туфли и шляпка, роскошные вечерние платья. А также веера, украшения для волос, шелковые чулки, нижние юбки, турнюры, даже запасной корсет. Она битком набила свой сундучок, а теперь оказалось, что в этом варварском краю с ужасным климатом ей просто нечего надеть. Над этим и в самом деле можно было посмеяться или, скорее, поплакать.

И рыдания так и подкатывали к горлу, но она не стала сообщать о своем состоянии Стефани. Шерис писала несколько часов, тщательно выбирая слова, чтобы сестра не впала в панику и не мучилась угрызениями совести. О пропаже драгоценностей она упомянула вскользь, чтобы объяснить возникшие в дороге трудности. Затем она кратко и доброжелательно описала Лукаса Холта, но при этом дала понять Стефани, что не сможет остаться здесь надолго. Нужно придумать что-то другое, и Стефани придется заняться этим.

Шерис медленно одевалась, откладывая, насколько возможно, неизбежную встречу с Лукасом Холтом. Чарли все еще спал. Вечером он совершил путешествие за окно, осторожно обследовал комнату, пока она готовилась ко сну, а затем устроился в прохладном фарфоровом тазу. Интересно, приспособится ли он к жаре и перестанет ли у него лезть шерсть? Привыкнет ли она сама? Выходя из спальни, Шерис вздохнула.

Она с облегчением обнаружила, что в большой комнате никого нет. Шерис проголодалась, но еды нигде не увидела. Она не обнаружила даже кофе. Поставив поднос с тарелками у раковины, Шерис подумала: не поискать ли чего-нибудь съедобного в кладовке? Видимо, она просто пропустила завтрак.

Шерис направилась к черному ходу, но дверь распахнулась прежде, чем она успела выйти, и в комнату вошел Лукас. Их взгляды на мгновение встретились. Затем его глаза скользнули по ее платью из бежевого батиста, щедро отделанного оборками из белых кружев и украшенного двумя коричневыми атласными бантами.

– Вы куда-то собрались?

Шерис удивилась.

– Я не так одета, чтобы выйти на улицу, – сказала она медленно, словно объясняя ребенку. – Это всего лишь утреннее платье.

Он засмеялся:

– Голубушка, ваш наряд будет попричудливее тех, что леди Ньюкомба могут себе позволить в воскресенье. И по-вашему, это не выходное платье?

– Боюсь, у меня нет ничего проще, разве что мой дорожный костюм, – раздраженно ответила Шерис.

– Но он слишком плотный, – заявил Лукас, покачав головой. – Похоже, придется вам приобрести новую одежду.

– Ничего, я как-нибудь обойдусь, – вспыхнула Шерис.

– Да? И работать по дому вы будете в этом шикарном платье?

«Работать по дому?»

– Что ж... если я должна...

– Впрочем, поступайте как хотите, – не стал спорить Лукас. – Где завтрак?

– Его нет.

– Вижу, – терпеливо ответил он. – Когда вы начнете готовить?

– Я?! – задохнулась Шерис. – Но я не умею готовить!

– Не умеете? Значит, придется научиться, и поскорее.

– Но кто здесь готовил прежде?

– Иногда ухитрялся я, иногда Мак, а порой Уиллоу из жалости устраивала общий обед.

– Уиллоу?

– Жена Билли.

– Вы хотите сказать, что здесь есть еще одна женщина?

– Конечно. У нее скоро будет ребенок, вот-вот должен родиться, – предостерег он. – Ей хватает забот, чтобы обслужить Билли и себя, так что не вздумайте просить ее о помощи. Я сам заботился о себе всю жизнь, Шерис. Но теперь, когда вы здесь...

До нее не сразу дошел смысл его слов, а когда она поняла, что он имеет в виду, глаза ее расширились от ужаса.

– Но я действительно не умею готовить. Мне никогда не приходилось. У нас всегда были слуги. – Она замолчала. Лицо Лукаса не выражало ни капли сочувствия. – Наверное, я смогу научиться... если кто-нибудь покажет мне...

Он хмыкнул.

– Я попрошу Билли, чтобы он, когда поедет в город, привез вам поваренную книгу. – Лукас огорченно вздохнул и направился к кладовке.

– Извините, мистер Холт, – неожиданно для себя произнесла Шерис.

– Не беда, – бросил он через плечо. – У вас крепкая спина, вы справитесь с другой домашней работой и быстро научитесь готовить.

Пока Лукас шарил в кладовке, она размышляла, в чем заключается другая домашняя работа. Наконец он вернулся с кучей продуктов. Следующий час ушел на то, чтобы погубить ее прелестное батистовое платье. Оно покрылось мукой и жирными пятнами. От фартука, который она надела по требованию Лукаса, было мало пользы.

Первый урок кулинарии Шерис не вдохновил. Она украдкой поглядывала на Лукаса и гадала, как удалось человеку, приехавшему с востока, так быстро приспособиться к этой земле.

Никак его не понять. То он представал перед ней резким и деловым, то вновь становился очаровательным и бесшабашным.

После завтрака Лукас ушел, Шерис осталась сидеть за столом в одиночестве с чашкой самого ужасного кофе, который когда-либо пила. Он был даже хуже того отвратительного варева, что подавали на станциях. Она только что наблюдала, как настроение Лукаса улучшалось по мере того, как он ел. Перед уходом он, казалось, уже готов был смеяться. Ее же настроение, наоборот, упало. Чарли вскочил на столик у плиты, чтобы обнюхать просыпанную муку, и Шерис внезапно поняла, что *она* должна прибрать весь этот беспорядок!

– О, я сейчас закричу! – не удержавшись, сказала она вслух и громко застонала, когда Чарли соскочил на пол и пошел, оставляя за собой белые следы.

«Я не обязана убирать все это», – мятежно подумала она. Нет, обязана. Если бы она только знала, что здесь не будет слуг и ей самой придется работать как служанке!

Прошло довольно много времени, прежде чем последняя тарелка была поставлена на место и Шерис наконец-то могла укрыться в своей комнате. Она уже повернулась в нужном направлении, когда вдруг увидела полуголого мужчину, стоящего в дверях черного хода. Длинные черные волосы ниспадали ему на плечи, выпавшая полоска материи повязана вокруг лба. Короткий кожаный жилет скорее обнажал, чем прикрывал грудь.

В первый момент трудно было сказать, кто больше поражен, – Шерис, встретившаяся лицом к лицу с дикарем, или Билли, впервые в жизни потерявший дар речи. Он предполагал встретить маленькую блондинку, которая с воплями побежит к Люку, а увидел перед собой амазонку. О Боже, она даже была выше его ростом! Вскрикнув, она тем не менее осталась стоять на месте.

Услышав крик, Лукас вбежал в парадную дверь.

– Что?..

Он посмотрел на них, оценивая ситуацию, затем бросил на Билли возмущенный взгляд:

– Мог бы по крайней мере надеть штаны!

Билли слегка расслабился.

– Очень жарко, – сказал он, как будто это было достаточным объяснением. – А что случилось с той, золотоволосой?

– Это оказалась не та, – коротко бросил Лукас.

– Но ты показал мне фотографию и...

– То была ошибка, – предостерегающе сказал Лукас. – Вы уже познакомились или молча глазели друг на друга?

Оба испытывали смущение; Шерис – вдвойне, так как ей напомнили неприятную историю, в которой пришлось участвовать, а еще потому, что приняла Билли за дикаря.

– Я – Билли Вулф, мэм, добрый друг Слэйда Холта, а теперь и Лукаса, – наконец вымолвил Билли, нахально ухмыляясь.

– Шерис Хэммонд, – несколько напыщенно представилась она.

– Я вовсе не хотел испугать вас, – добавил он скорее ради Лукаса. – Я зашел, чтобы спросить, не нужно ли вам что-нибудь в городе. Я как раз туда направляюсь.

– Надеюсь, ты сначала оденешься, – проворчал Лукас.

– Я хотела бы отправить письмо, если, конечно, это вас не затруднит. Я сейчас принесу его.

Когда она вышла, Билли прошептал Лукасу:

– Почему ты не отправил ее назад, когда увидел, какая она высоченная?

– Не такая уж она и высокая, – усмехнулся Лукас.

Билли смерил его взглядом.

– Да, пожалуй, ее рост не имеет для тебя значения. Но, Боже, Люк, она такая тощая!

Лукас поднял брови.

– Ты так думаешь?

– Ну, мне просто не хотелось бы, чтобы ты разочаровался в ней, ведь это была моя идея.

Шерис вошла и протянула письмо Билли, но Лукас резко выхватил конверт у нее из рук. Шерис побледнела, потрясенная его грубостью.

– Труди Бейкер? – Лукас произнес имя вслух и посмотрел на нее вопросительно.

Шерис поняла, о чем он подумал. Когда она сказала, что ей не к кому обратиться в Нью-Йорке, он, должно быть, решил, что у нее, кроме отца и сестры, никого нет.

– Труди – подруга моей сестры, мистер Холт. А моей сестре, Стефани, всего лишь семнадцать, она живет вместе с отцом, так что, сами понимаете, она не сможет мне помочь. – Шерис неловко было говорить об этом в присутствии Билли. – Я посылаю письмо на имя ее лучшей подруги, потому что, ну... я ведь говорила вам про моего отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.